

Антон Шумилин

ЭТВАС

сборник стихов

Пенза
2015

УДК 82-1

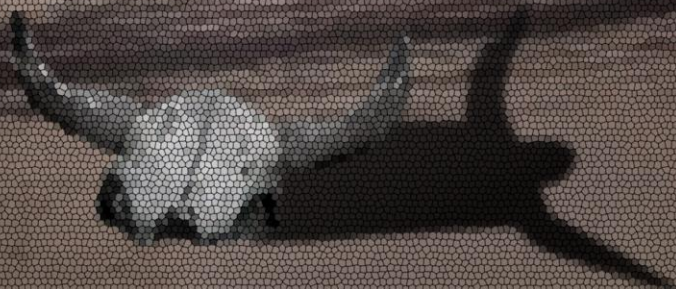
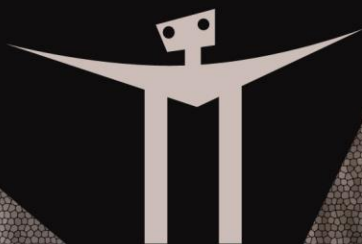
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5

Ш 96

**Антон Шумилин. Этвас. Сборник стихов. – Пенза,
2015 г. – 196 с.**

© Антон Андреевич Шумилин, 2015

Окрылённый голем

Перед часом быка

Караваны ворон потянулись в леса голубые,
Чёрным дымом всосавшись в холмистую влажную грудь.
Очень хочется губы в подземный пожар обмакнуть,
Чтобы мёртвой воды отошла ядовитая горечь.

В самоварную сказку стекаются тучи рябые
И под снег уходящая с богом смиренная грязь.
Всё стекается в даль, не оглядываясь и не борясь.
Перед часом быка простирается вечная полночь...

Багровый эллипс истошно тонет в молочной пене
Над коркой леса и волосами сухой травы.
Росток распада увековечен и постепенен,
Сантиметровой дорожной пылью сияют рвы.

Где меж клыками гнилой и ржавой железной клетки
Деревья вшиты в дорожный сумрак конца времён,
Безумно-белый лохматый ангел ломает ветки
И, захлебнувшись дремучим страхом, несётся вон...

Марсельеза

Железо и сырость, и пот, и совиные марши
Сквозь марлю проходят осадками тлеющей сажи.
Порублены дни на дрова. И ржавеющей баржи
Кускам не придумать, куда же сошли экипажи.

Вдыхая пары тишины и сосновые смолы,
Старик собирает звенящую кожу для крыши,
А в талом сугробе копается заяц весёлый,
Поёт Марсельезу, но это никто не услышит...

Инферно

Вечность, вскормленную грудью снегиря,
В полевом всемирном рейхо-эмирате
Продуктивно прожирают лагеря.
Миллионы адов зреют умирать,
В крематории морфироваться в гладь.
Рановато... Рановато восставить.

Бьётся совесть, серым отзвуком монет
Содрогая внутрикнижный Назарет.
Очевидно, тот, кто был, того и нет.
Не отвалит ангел камень на заре,
Вещих связей не отпустят небеса.
Рановато... Рановато воскресать.

На бутоне серебристая роса
Обнимает паутиновую нить,
Спит, как драка из-за хлеба, дивный сад.
Бледным завязям и гнить – не перегнить.
Червяка ещё накормит благодать.
Рановато... Рановато расцветать.

В дымных пещерах ртов
Железом зримых причин
Жмутся ряды крестов.
Друже дрянных дружин.
Круче больших кручин.

Задвинуто на засов
В тряпках гниющих роц
Вечное колесо,
Страшная сила-мощь,

Спаянная с лицом –
Спьяну и не поймёшь –
То ли святым отцом,
То ли ядрёной вошью.

Отмечен святой печатью
Матричный прототип
Загробного счастья
И долгожданный тиф.

Тест Роршаха здесь – пшик,
В небе звенят огоньки –
Мириады утопших
Медленной царской реки,
Скомканной русской тоски...

В дымных пещерах ртов,
Окопах свинцовых дней,
Плотных рядах крестов,
Жёлтых глазах нулей –
Поросшая снегом Дао, седая,
Стопавшая Октября лик,
Россия, которую мы потеряли.
Россия, которую мы обретаем.

Банальные осенние истины

Героев предельно мало.
Ахиллов предельно много –
Всех нас окунали в реку,
В ладонях зажав затылки.
Ржавеют ножи и вилки
Лилово-гнилого века,
Изрезав чёрную ногу
Системы чёрного нала.

Могильник жилых районов,
Как вязкая стужа Стикса –
Хоронит живых под груды
Банальных осенних истин.
И словно в дрожащей кисти
Играют слова Иуды,
В спектакле псевдоремикса
Играет жизнь миллионов.

На тень оглянуться стало
Не страшно, а лишь убого.
И есть что поднять на знамя –
Травматы, ножи, бутылки.
В ладонях зажав затылки,
Всех нас окунали в пламя –
Ахиллов предельно много...
Героев предельно мало.

В бутылках из-под кефира
Застыла кровь голубая,
Которой расписаны стены
Под рай и вечернее небо.
Художника нет. И был ли он?
И кисти уже отсохли.
Ржавеет бритва Оккама
В сырой паутине фантазий.

В сырой паутине подвала
Скрипит заводная утка
И прячет в яйце иголку
Самой непроглядной смерти.
Молочные зубы кукол
Растут, выпадают на пол,
И кафель трещит, как харя
Прожорливых тысячелетий.

В бутылках из-под кефира
Нетленный собачий холод,
Которым расписаны стены
В здоровую атмосферу.

Здоровая атмосфера...
И всё фиолетово в этом
Прекрасном и яростном мире,
И вспыхивают гематомы
На пухлом лице событий.

Пыль над гниющим полем
В тающем сне весеннем
Бьётся, развесив космы
Смятого органона,
И окрылённый голем
Молится во спасенье
Кукле душевной оспы
Мёртвого фараона.

Гроздья росы нетленной,
Словно штыки заводов,
В тихий бетонный омут
Падают, разлипая
Под синевой Вселенной
Кровь и живую воду.
Время идёт к надлому.
Кукла летит слепая

Телом, гниющим полем –
Там, где, развесив космы
Смятого органона,
Мысли звенят о кафель.
Пьются сухим запоем
И улетают в космос
Эйдос, мечта, икона
И человек из вафель.

Код

Амнистия

За мысли, белые рёбра,
Ключицы, лапы
Никто не в ответе.
Стол неба светится
Под скатертью гречневой.
Мимо летят мудрые, добрые,
Пополняя этапы
В места сырые и вечные.

Как, зачем и с кем ты
Попал под амнистию?..
Не скучно, не тесно,
Но провалился в слоистое тесто,
Во внутренний тессеракт.
Шуршат аплодисменты.
Ладони кленовых листьев
Краснеют. Скоро антракт.

Спанда

Всё пройдёт зимой холодной,
всё пройдёт войной народной,
всё пройдёт. Гектары рая
на Геоне догорают.
Вырван куш из самой гущи:
грех сгорел, а цирк отпущен.
Всё течёт, и всё есть спанда
в жёлтом горле листопадном.
Из потока и в потоки,
и почкуются потомки,
и рябит в пустом экране
новый круг бесценно ранний.

Внутри себя заточённому узнику
Немного Вселенной дай,
Ушами глотая музыку,
Глазами щупая даль,

Внедряясь в код новорожденный
Свидетелем и творцом,
И падая в тело родины
Опухшим от слёз лицом...

Придётся жить центробежнее,
Вменяя себе в вину
И будущее, и прежнее,
И русскую тишину.

Рыхлую плоть кварталов
Взрезаешь самим собой,
Куски отпадают: камни,
Колодцы, смерть, сторожа.
И вихри тянутся алые
Припудренных горожан,
От чёрной воды и пламени
Отрубленных медной трубой.

Всё больше в тебе человека
Пугает домов тоска.
И тянет табачным дымом,
Гуашью, соснами, сном.
Идёшь по сырому снегу,
И тоже тянет слегка
Скакать между сыром и Крымом,
Своё выбирая зло.

И дальше идёшь, капризный,
Качаясь глазами психа.
Вокруг – городской уют,
Застывший, как манекен
Солёного привкуса жизни,
Когда по морде дают.

А в космосе снова тихо.
Никто не понят никем.

Если хочешь уснуть – не тяни, засыпай,
Головой упади на перину сугробов
И коричневый сумрак еловой коры
Наполняй незаметным волнением снов.
И прямые секутся, выводит кривая
За надбровные дуги вселенной суровой,
Где в кедровые шишки свернулись миры
И трясёт новогодний озноб.

И во сне раздвигая руками метель,
Головой упади в складки внутренней тени.
Так находят ответ и уходят под лёд,
Проводив чудеса и собой закусив.
Упади и, как мёртвый, лежи в темноте,
Притворяясь обломком кембрийских растений,
Дождаясь, когда семь печатей сорвёт
Подноготным сгущением сил.

Если хочешь проснуться – мети, засыпай
Полувымерший город слоями сугробов,
Выплюнь снег и чужой бутерброд тишины,
Упади головой в недостроенный дом.
И потом поутру, узнавая себя,
Как дурак, прокричи, надевая обувь:
«Кто-нибудь да узнает, что будет После,
И никто не узнает, что было До».

Ворс

1.

Разнообразие музык бьётся однообразием нот,
Камнем познаний ушибленный локоть каждый по-разному трёт.
Мрак выражений, в которые гнутся только глаза и рот,
Непознаваем, как точность точки в тесном ряду из трёх.

И как в окопе, не видно цели и не нужно лица.
Круг расстояний, причин и следствий выпестован и заклят,
А из травы навстречу лесу вспыхивает лиса,
Вспоротым горлом в поле уходит плавающий закат.

И над дорогой спиной качает пыли прозрачный ворс,
Врозь две руки – вековые корни в грозной густой темноте:
Только победа даёт ответ на каждый щемящий вопрос.
Только ответы ведут к победе сетью цепных путей.

2.

Разнообразие текстов льётся однообразием букв,
Собственной совести поодиночке каждый по-разному врёт.
И в мясорубку робко приводит интеллигентный трюк
Думать по-волчьи, белкой крутиться, правый ловить поворот.

Разнообразие бодрости пухнет разнообразием сна.
Каждый своих получает чудовищ. Но самое главное, что
Правды своей не бывает, и наша правда на всех одна.
Это подарок всему, что творится по обе стороны штор.

Там, за горою

Парабеллум

Заброшены силлогизмы, как удочка в тихий омут,
В три точки сгруженных пауз и вычищенных пробелом.
За пазухой задней мысли качается «Парабеллум».
За тонкой картонной стенкой предметы скрипят и стонут.

Поймается что-то в мутной, сгущённой, как ужас, яме
И вытащится наружу, стекая кровавым смыслом.
Расстрелянное упало. Повешенное повисло.
И взвинченное мирозданье размахивает костылями.

От веры в верную веру скрываются в рай дороги,
И всё – в рекурсивной мантре – переполнение стека.
Заходим в ума палаты и шепчем: «Привет калекам».
Стреляет в лоб «Парабеллум»... И вот мы – ничто. Как боги.

Лепестками сражённого мака
Воспалается кожа тумана с
Нежеланьем рождаться из мрака
Для гностичного горя ума. Нас

Обжигают водой ураганы,
Разрушая нелепых пиратов
Всеобъемлющей фата-морганы
И всезнающих опиатов.

Снова яблочко глаза под лаком
Жаждет пули в гностическом тире.
Труп реальности более лаком,
Чем сражённые красные маки
В неизбежно-фальшивой картине...

Буратино

Усреднённая усохшая сердцевина,
Которой все мы отчасти стали,
Вытягивает из почвы минеральную воду,
Обрастает годовыми слоями,
Заставляя жить правильно и цивилизно
В яйце из усталой стали,
Выдавливая вовне до капли свободу,
Пропахшую шторами и салями.
Вылезти новорожденным Буратино
В свободное плавание – это
Единственный способ увидеть другие стороны
Своего прорастания,
Сложить в неприглядную целостную картину
Тонны жизненного винегрета.
Страшно, голодно и просторно,
И немного приятно станет.

Преступление

Бесконечное всесъедание
И разбросанные уроборосы
Тянут тёплую душу в рай,
Как утопленника за волосы.

Всё, что можешь, себе не дай,
И другим оставь ещё менее.
Сам себе и грех, и еда,
Сам себе «Бытие» и «Имение».

Ослепителен этот круг,
Как клыки сомнительной истины.
Враг – не враг, да и друг – не друг?
Только руки падают листьями.

Подо льдом безразличных звёзд
Нависая горбами шаткими,
Набухают россыпи гнёзд,
Огрызаются чёрными шапками.

Не отвертись. Без огня ж
Не бывает продуктов горения.
Быть невидимым – это блажь,
А не быть – совсем преступление.

Ты теряешь следы в неизведанных водах
И садишься молчать на короткую цепь?
Под изъеденный череп слепого исхода
Толпы сырых подводят нелепую цель:

По следам немоты от купели до гроба
Суетиться, поститься, пасти и пастись,
Выживать из ума и поглядывать в оба
С потаённой надеждой предать и спастись.

Не гаси восковые тревожные башни –
Крылья дыма умрут, не успев вознести,
И в едва приоткрытый дубовый багажник
Загремят пассажиры последней горсти...

Время выбить с небес костяного кумира,
Обнимаясь на грозном соцветье дорог
В громобойной симфонии нового мира
С тем мотивом, который ты слушать не мог...

Трансбог

В белую пустоту дудочки крысоловов
Зрите и жрите сыр их,
Выплеснув кислоту пошлых и сальных слов о
Малых, убогих и сырых,
Вылизав мармелад липкого гнидогимна
Божеской вашей власти.

Завтра закрою ад, сделаю лицо другим, но
Брошу себя под ластик.

Лететь впотьмах кровавой бани
Меня не тянет.
И под огнём небесной рвани
В себя когтями
Я ухожу, как месяц в землю,
Кривя рогами.
Внизу асфальтовые стебли
Лежат врагами.

Как небо наше далеко,
Как подпол тошен –
Рассыпан полный полигон
Людских картошин.

Друг другу белыми ростками
Под рёбра тычут
И мажут грубыми мазками
Расчёт и вычет...

Не выжать соки океанов
Из тела сплюснутой планеты
И скрипом жёлтых пароходов
Не выбить дрожи у Земли.
Жонглируй всем – огрызки планов,
Окостенелые куплеты
Дешёвых умственных отходов
Не для того ли здесь росли?
Не для того ли, чтобы зубы
На полке толстым слоем пыли
Накрылись, как Помпеи пеплом,
От вулканической тоски?
Отдать себя какому псу бы,
Пока останки не остыли,
Гримаса счастья не окрепла
И черви ада не близки?

Фаталистичное

Не весна подгрызает меня теперь –
Тошнота и пыль, завеса смога.
Мне не плохо?! Нет.
Быть может, в сердце – зверь,
В сердце мира, сущего без бога.

На экране – плен крокодильих кож
Вереницей говорящих мумий...
А я дальше вонзаю булатный нож
В переливы хохота безумий.

Потаённых страхов свернулся ёж,
Холодеет рюмка эвтаназии.
Если ты сегодня и не умрёшь,
Неизбежен рок вселенской связи...

Застыть, завясть, забыть

Неспешно осеняясь до безумия и желчи,
Гудит греховный погреб побирающихся слуг:
Застыть, завясть, забыть других и сжечь их,
Прилечь на голый пол войны и отойти ко злу.

Как на кленовой коже проступают насекомых
Нестройные ряды, ничтожеств хищный слой,
Так дивные сады – в диван, идеи – в идиомы,
И в горсть потухших искр спекается герой.

Оплёванный самим собой атлант ломает плечи
В гробу, как муха на ветру, стена и дрожа,
Неспешно осеняясь до безумия и желчи:
Дотронься духом до небес и горлом до ножа.

И пусть весь мир застынет, наклонившись над рекою,
Зависнет между призраком и рвом гниющих благ,
Свались в греховный погреб и с протянутой рукою
Нащупывай, где бог, где друг, где труп, где враг.

Смерть

Скользкой смерти трафарет
На могиле ставит крест.
Кто-то был? Кого-то нет,
Он ушёл из этих мест.

Пусть дорога не нова,
Что поделать... Умер бог...
Черви, глина да трава –
Это весь его итог.

Весь итог развился в гниль,
Явь сгнила, и Навь – на треть...
Всё, что ложно – это пыль,
Всё, что можно – это смерть.

Хрупкой жизни трафарет
Начертал благую весть:
Бога не было и нет,
Смерти не было и есть...

Секрет

Не найден бессмертный секрет черепных коробков:
Не пущен по тленным следам умозрительных истин.
Всё то, что сдалось и устало – еда для жуков.
Лиловый конечный продукт – как процесс –
бескорыстен.

Наш город исчезнет некрополем. Вверх не смотри –
По капле выкапывай души из глаз пешеходов.
Срывай с неестественных бликов потухших витрин
Полоски назначенных нам ярлыков и штрих-кодов.

Не найден бессмертный секрет черепных коробков.
Наверное, власть пустоты и является раем.
Под нами – пирог проигравших себя игроков.
А мы ещё живы и, значит, ещё поиграем.

Ковчег

Тихо хрюкает мельница,
И стрекозы над озером
Безразлично ворчат.

И земля еле теплится,
Распухая бульдозером,
Как начало начал.

Липнут фотообоями
Краски мира закатного
К распростёртому Че.

Палачами, изгоями
И святыми запятнанный,
Улетает ковчег.

За горою

Ржи во всё горло: там, за горою,
Слава герою, горе врагу.
Солнце отрину, руки открою.
В бледную гору вбегу.

Там, за горою, горе герою,
Горе уже никому.
После ущерба и попервою
Кажется мягким хомут.

Дело без пользы, польза без цели –
Сеять, не смея жать,
Жить, притворяться горячим и целым
И во всё горло ржать.

Тихого воздуха скользкие струи
Слизывают пустоту.
А за горою верят костру и
Вечно цветы цветут.

Сыграй невесомую роль свою,
Не в ящик лишь – это очень грубо.
Ты слышишь, как я над тобой стою –
Рассыпавший жёлуди старый дуб.
Курю по привычке, легко крещусь
И делаю вид, что под ноль аскет.
А в сонных пальцах играет Щусь,
Царапая формулы на доске.

Прекрасно, вдыхая сосновый пар,
С бродячим псом говорить о Трое.
Пусть я беззубо, бездонно стар,
По Фрейду меня не один, а трое.
Сыграй в переходе, вернись домой,
Гитару вытри, глаза протри,
Разденься и душу мою омой,
Ложась с головою в бездонный трип.

Веданта – выписанный рецепт –
Так дорогого приветствуй гостя,
На кости, голые, как концепт,
Накинь ухода пурпурный стяг.
Сентябрьский ветер берёзу гнёт,
На кухне стол и в кружке вода.
Дождись, пока зеркало подмигнёт,
И выйди задумчиво, в никуда.

Тупики

Жертва

Чёрный ворон из лужи пьёт,
Отрывая куски теней,
Тянет водоворот в рот
Всё быстрее – смелей, злей...
За тенями – глоток луны,
Пятен крови от пьяных драк,
За луной – белый мел стены.
За стеной... Всё опять не так!
Чёрный ворон допил мир –
Всё по-прежнему: кровь и грязь,
Между жил капает жир,
Сна и смерти рождая связь.
Между ложью – кислотный дождь –
Тормозная жидкость небес...
Тишина – это твой вождь,
Тишина набирает вес.
На утёсах прогневших свай –
Силуэты разбитых плит.
Этот ад хуже, чем рай,
Но и здесь, и там – ты убит!..

Предчувствие

Чумной почерневший грызун
Затерян в рабочих кварталах...
Я чувствую – небо внизу,
В бензиновых бледных фракталах –
И сердца пронзительный скрип.
Любви безысходная рана
Похожа на ядерный гриб,
Червивый распадом урана.
Я чувствую – небо внизу,
В серебряном панцире Нави –
Как ветер срывает слезу
И в прах разбивает о гравий.
Скупой макияж мелочей
Замкнулся решёткой, витриной,
Кольцом фрикционных ночей,
Продукцией водочно-винной...
А ветер срывает слезу
В густое кровавое Нечто,
Я чувствую – небо внизу.
Но Это
будет не вечно!..

Шаги по полю
Несуществующих чудес
К солёной речке,
Нафаршированной телами –
Фатальных тактов
Анатомический прогресс,
Весомый стимул
Покончить с малыми делами.

Условный поиск
Недостающего звена
На острой грани
Победы ангельских мутаций
Стартует с мысли,
Что Это может быть Она,
Придя на финиш
С букетом вычурных фрустраций.

А под покровом
Горячих мокрых одеял
Скользит по коже
Едва уверенно и люто
Открытый внутрь
Непостижимый идеал,
Вплетая в стоны
Несовершенство Абсолюта.

Унылая серость небесного плаца
Заранее пахнет войной Рагнарока.
Болезненна жажда в себе затеряться,
Звеня переполненной чашей порока...

В чумные объяття зовёт Мессалина
Забиться в неровной пульсации линий,
Слизнув со стола порошок мескалина,
Родиться соринкой в глазу Муссолини...

Манёвр

Необычный манёвр – доставать тепло из-под кожи,
Употребляя боль как исступлённо-предсмертную похоть.
Засмотрелся на руки, что в парном молоке по локоть,
Но меня нет. И тебя нет тоже...

Щедрость

«Захлебнись моей щедростью! Я вливаю в тебя всё своё существо – раскалённый мёд, липкое золото, стекающее по всем возможным стенкам твоего ошалевшего организма, просачивающееся в самые потайные уголки забродившего сознания. Я удовлетворяю твою болезненную жажду света, и тебе это доставляет удовольствие мазохиста, который в исступлении наносит себе чудовищные увечья, приближаясь к тому единственному рубежу, на котором можно верно оценить свою сущность. Я возжигаю тотальный огненный шторм, и тебе это по душе, потому что я – единственное разрушение, не запятнанное тьмой и разложением. Я бескорыстен и чист в своём стремлении к уничтожению: за каждым испепелённым кусочком органики спят семена нового мира, готовые прорваться в очищенный от грязи вселенский коридор развития. Я слизываю с твоей повседневности маску комфорта, обнажаю и обжигаю гниющие язвы ненавидимого тобой мира. Почти меня верностью, и я отдам тебе всё, на что только способен свет. Захлебнись моей щедростью!»

Тошнота

Как в сетке сосудов тяжёлой чужой головы
разбуженной бабочкой бьётся мигрень,
глаза голубей превращаются в крошки халвы,
и с этим бороться лень.

Здесь камни кидает в кисель Антуан Рокантен
и пьёт вязкий морок Маркиз де Сад,
чтоб стало страшней тупиков и бескрайних стен
смотреть на себя и назад.

Уходит мираж приключений сквозь кожную дрожь
быстрее, чем время, быстрее, чем гроши.
Попробуй на ноль подели и на вечность умножь.
Печаль. Вавилон нерушим...

Мысли рождают, как осы – яд,
Медленный сдвиг по фазам,
И странно часы со стены горят
Сонным совиным глазом.

Роскошь достать роковую суть
Требуют только свёрла,
А свежий воздух теперь вдохнуть
Проще, разрезав горло...

Руками шаришь в пустоте, и ёжик страха рвётся в пляс.
И в целлофановый пакет набито множество голов,
И все хотят пополнить свой кислотно-щелочной баланс
И гормональный дискомфорт утешить равенством полов.

Табачный пепел на столе, седая книга под столом,
Ногами шаришь в пустоте, и чьи-то зубы лезут в нос,
Причинно-следственная связь из грязи лепит в горле ком
И не даёт найти ответ на новый каверзный вопрос.

Уныло бегают глаза по бесконечным зеркалам
И нервно шарят в пустоте. Бесцельно тикают года.
Седая книга под столом переломилась пополам.
Причину следствием тошнит. И этот праздник навсегда!

Безумные тени с последних рядов вылезают на сцену
И рвутся на пятна, полоски слепого двумерного стона.
Нелепо и глупо порывам души устанавливать цену...
Смешно и тоскливо смотреть на дома из цветного картона...

Дорога уводит в бетонное царство рабочего гетто
Под звон парадоксов и странную радость предчувствия крови.
Ты ласково смотришь в глаза, и ещё далеко до рассвета...
И трепетно-тихий искус отойти от предписанной роли...

Фреоновый холод, подкожная дрожь и мокрицы из ножен,
Серебряной ночью горячие губы становятся слаще...
Сквозь веточки пальцев и мой организм до конца обезбожен
На сумрачной грани любви не для нас, но зато настоящей...

Диффузия

Без крика, без страха, без лишних претензий на смех
Мы выжили мимо законов, предписанных улице.
Сердитая птаха заутренних телепомех –
Твоя пантомима. Поднялся с колен – и ты пули цель.

В бреду поражений порой растворяется пыль
И армия судеб, досрочно из жизни уволенных.
Вдоль трудных решений суровый рождается стиль
Святых правосудий. Поднялся с колен – и ты воин их.

Диффузия дыма в отравленном взгляде луны
Разбита на части, под стать обречённому городу.
Мы выжили мимо свободы, но ветер уныл
На кухонной страсти, где литрами меряют бороду.

Белые колыхания обнажённого живота,
Словно замедленный пульс
Опьяняющего, обрекающего на безысходность
Декаданса...
Тонкие линии, заплетённые вокруг теней,
Раскрывающие фрактальный орнамент
Тантрической лихорадки –
Не влажный апофеоз
Жизни или смерти,
Но удовлетворённая
Недолгой аннигиляцией противоположностей
Жажда одиночества,
Неожиданное возвращение
После поспешного
самосожжения.
Белые колыхания обнажённого живота
Прижимают небо куда-то выше,
А ты улыбаешься,
И мы слышим...
Через шум замедляющегося колеса Сварги,
Через завывания зомбящика,
Через собственные слова –
Слышим друг друга...

Нирвана?

Эроса козни, мечты и любовные муки –
Это не мне. Я не знаю, что это такое.
Прыгаю в храм тишины, где низвержены звуки,
В мягкие лапы стерильного суперпокоя.

Бури и приторный лай огнестрельного эха –
Это не мне. Я сторонник особого стиля.
Прыгаю вбок, в переливы прохладного меха,
В мягкие лапы вовек абсолютного штиля.

Тлеют года вереницей штампованных серий.
Где ничего не случается – жалости нет, но
Муха свободы умрёт в паутине артерий,
Мягкие лапы задушат меня незаметно.

Хаухет

Рвётся трещинами вымоленных молний
Небосвода сетевая скорлупа,
Словно Сет собою город переполнил,
Словно памятник забвения упал,

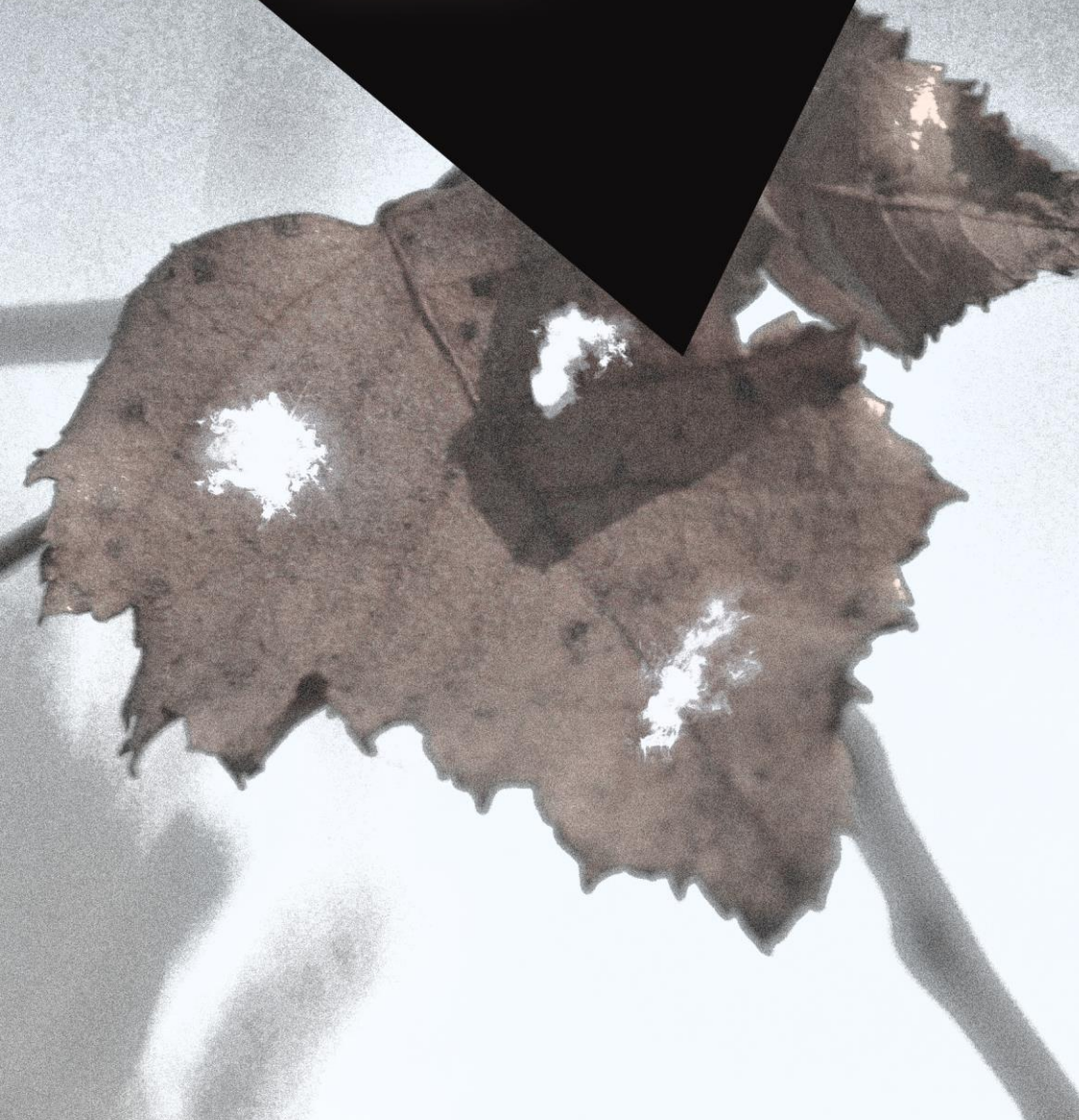
Словно ненависть металлом закипела:
Ни греха, ни поражений, ни побед,
И Конца онтологическое тело
Исчезает в изголовье Хаухет.

Мы рисуем электрическую небыль
Страстью подлинною падающих птиц.
Что осталось?

Вылететь сквозь небо ль,
Или в громе волю к жизни заземлить?..

Всё явное станет тайным грешком.
Уже лежит котастым мешком,
Кощеевой смертью торчит в стогу,
Растит в кармане тайгу.
Концы размокли в густой воде,
Цветком раскрылось её Нигде,
И заторможенной ряби блеск
Пронизан лесом крючков и лесок.
Чудная хитрость придонных рыб
Молчит, как вечность молчит навзрыд.
Несёмся на земляном корабле
И тонем в своём обеде.
Небесный столик дождливо бледен
Без громких слов о своей победе.

Шесток

Кактус

С грязного глянцевого календаря
Свисает кактус пустынный, грустный, двумерный,
Высасывая соки из пространства-времени внешнего –
Разодранного пирога ощущений, имуществ.
В глиняной яме цвета разбитого янтаря,
Полной невыплаченных обязательств и прочей скверны,
Корни кактуса нащупывают грешное Эго
Существ со значением, потерянным в самой гуще

Коловращения, заданного беготнёй белки.
Существ, обживающих новые ямы, заключающих новые сделки
С логикой и временными владельцами тел и душ.
Из них высасывает грустный кактус пустые взгляды и русский мат,
Попутно натываясь на выброшенные сварочные горелки,
Пустые бутылки, новые спутниковые тарелки,
Мирно маячащий и никем не сорванный куш.
Все тут будто бы виноваты. И никто как будто не виноват.

Тикают клювы седых голубей, подбирая
Хлебные крошки и гамбургеров объедки,
В сморщенных тучах слипаются грани духа,
Что возносился с мыслями о большом.

После похода, разгрома или раздрая
Всё однозначно, а в этой звериной клетке,
Что подбивает на горы пера и пуха,
Будет как надо – ни плохо, ни хорошо.

Рыжую россыпь уставшего насмерть металла
Старой отвёртки, у мастера жившей в чулане,
Крысы растащат на лапах по городу гномов,
Как семена частной собственности и чумы.

Тряпки границ человеческого потенциала
Стоптаны в грязную лужу, и кажется – зла нет.
Нет ничего, что похоже на кражу со взломом,
Только пробиты на кассе тела и умы.

Шесток

Живите и здорово, и богато,
Пусть кто-то, над собою разомлев,
Кусает ногти мёртвого Бахатова,
И горб таланта тянется к земле.
Всезнание шестка подкралось. Поздно
Срывать покровы с побелевших глаз.
Уже отпел и вас последний Познер,
И за щеками – счастье про запас.
Когда вы прожуете этот гравий,
Побагровеет утренний восток.
И щелбаном по-дружески направит
Всех по местам и всех на свой шесток.

Знаешь – к ногам пристегнут браслет,
Верно братающий с валунами.
Ключ от него, как собачий след,
В лающий шторм заметёт волнами.

И черепашие шуршанье лет
Врежется леской во лбы и скулы.
Живы, но каждый собой отпет.
Каждый вколочен в мирок сутулый.

Ешь свой омлет и горюй о зле,
Падая страхами в омут рыжий.
Знаешь – к ногам пристегнут браслет.
Поздно, родимый, вставать на лыжи.

Ноябрь

Ноября тонка картонка,
Бренен тайны истукан.
Что ни яма, то воронка,
Что ни яма, то капкан.

Синевой улыбок неба
Недопачкан каждый рот.
Мало зрелищ... Мало хлеба...
Либо всё наоборот.

Проще нет: улов – уловка,
От неё растут счета.
Что ни рок, то рокировка,
Что ни рок, то нищета.

Над руинами сшивая
Струи мёрзлых тополей,
Дребезжит душа живая
И становится полней.

Кремовые облака превращаются в копать,
Оседают моросью за кордон дальний.
Кто-то на вокзалах собаку съел,
Кто-то принял на грудь – и смел:
«Разодрали рубаху на тряпки. Так-то».
Кто-то отвечает: «Пора штопать...»
Или смотрит в «окно контакта».
Или глотает воздух: «Трансцендентально!»

Трескается уверенность в собственных вздохах,
Как сладкая спелая дыня,
В холодной и тёмной камерке – плохо,
Подкладывать дров – гордыня.

Стоящие насмерть ряды рedeют,
Копна живых поседела.
О, как приятно держать идею
В месте, отдельном от дела.

Выжали желанья, как спелую грушу,
Связь с собой отлетела.
О, как приятно выискивать душу
В месте, отдельном от тела.

К северу свисло солнце зимы,
Влажно стемнели поля.
Вечер плечистый даёт взаймы
Столбики выше ноля.

Бьётся вороньей тушью о лес
Сумрачное полотно,
Плотью наполненных форм в обрез,
Только пустого полно.

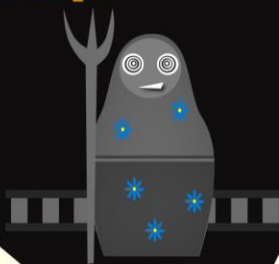
Грохает радио узким челом
Ржавый и радостный ритм.
Всё ничего, да и мы ничего,
И ни о чём говорим.

Титанов сон

Спят прикованные небом черновласые титаны,
Через спину прорастают ивы белые побеги,
Пальцы пожраны землёю и в неё пускают ногти,
Всё идёт – и дождь, и время, сны идут, но не проходят.
Под тяжёлым синим небом, как глаза, бледнеют страны,
Всё идёт дорогой смерти в горло альфы и омеги,
Из грязи рождаются князи, из каштанов мёд выходит,
И под мокрой коркой неба всё идёт, но не проходит.

Черновласые титаны спят под синим одеялом,
И на каменные лица налипают листья ивы,
Сочной ящерицей в уши заползает шелест кожи,
Что сползает переплётом детских книжек о природе.
Кровь печётся о великом, а вода журчит о малом,
Открывая время жатвы – жизнь для лжи и для наживы.
И летать никто не может под тяжёлой синей ложью.
Всё идёт – и дождь, и время, сны идут, но не проходят.

Масленица

Вне сумрака – глаза голодных кошек.
Украшен воздух ядом сизых кружев,
И под столом гремят о ступни ножек
Останки перебитых медных кружек.

Дрожат меж плоских лиц орлов и решек
Больные тушки мелких хлебных крошек.
Ты выгрызаешь из беззубых пешек
Ряды зубастых боевых матрёшек...

Пазолини

В молочных перьях полупрозрачной кисти
Закатным золотом капризничал вечер,
И на холсте сиял панический листик.
И под холстом протяжно выл человек.

А мост покачивал горбатые мощи
Над пёстрой гадиной реклам рекламы,
И петушки за отправлением в оцип
Благоговейно наблюдали из ямы.

В сачке ворочались ленивые линии –
С подводных дум переводчики-сурдо.
А в белом лотосе сидел Пазолини
И горько плакал от такого абсурда.

Взрывов чёрные барашки
Блеют в синее стекло,
И тротилловые шашки
Очень даже наголо.
Но порхают крылья носа
В одиночестве сто лет
Без единого вопроса
На поставленный ответ.

Из грудей Венер безруких
Получилось много камня,
Из топориков весёлых
Наварили много каши.

Тройкой тонких серых щек
Приближается патруль –
Меж мирами перешеек,
Плюс на минус – полный ноль,
Предложение без спроса,
Покушение на свет
Без единого вопроса
На поставленный ответ.

Из яйца-первоначала
Насидели стаю куриц,
Каплей красного лекарства
До краёв наполнен кубок.

Злого неба пахнет кожа
Лабиринтом волчьих шкур,
Ариадны нить похожа
На большой бикфордов шнур.
И безумия колёса
Режут вечности кювет
Без единого вопроса
На поставленный ответ...

Шатается без опор мозг

Шатается без опор мозг
На нервах горящих глаз
Полураспадом лечо.
Продайте противотормоз –
Купите противогаз.
И дышать станет легче.
Пора бы поздравить вас с
Покупкой убойного корма с
Безвкусно-фруктовым желе.
Продайте противогаз –
Купите противотормоз.
И станет дышать тяжелей...

Чёрная птица

В спину дышит Русский Север
Сквозь нагие ноги ночи.
Из-под перьев чёрной птицы
Выпадают кудри пара...

Где козлят уже не семеро,
Переулки – многоточие:
В тупиках таится Мара,
Чтобы горлом перелиться.

За забором – дед беззубый
Топором целует луны
И последняя страница
Рвётся, будто скатерть старая.

На разбросанные руны
И объятия Суккуба
Из-под перьев чёрной птицы
Выпадают кудри пара...

Масленица

Открылся пыльный фолиант,
Дремавший в чёрном саркофаге –
В нём потаённый бриллиант
Бордовой крови на бумаге,

В нём затвердевшая слеза
И злом подкованные блохи...
Кленовым телом колеса
Я ощущаю все эпохи...

Сырая каменная твердь...
Кресты – подснежные уроды,
Из волка вырвался медведь,
И закрутились хороводы.

Сверкает масло на блинах,
Увидев солнечное знамя.
Кто скоморох, а кто монах
Я очень долго не узнаю,

Как очень долго горло пса
На белый шар рождает вздохи.
Кленовым телом колеса
Я ощущаю все эпохи...

Сырая каменная твердь...
Суровый шелест плащ-палаток.
В надежде быстро умереть
Мой детонатор будет краток.

Выпей водки

Выли волки в упоённом одичании лесов,
Запирающих секреты на засов.
Бледно-медленно горчичное катилось колесо,
Приедаясь, как водица, хлеб и соль.
«Выпей водки!» – говорили голубые корабли,
Проплывая в километре от земли.
«Выпей водки!» – из-под листьев, из-под веток, из-под тли
Некорчёванные пели короли.
Океан, просыпав капли на короны королей,
Разразился орошением полей.
И хрипели черепахи расплзавшихся степей,
Протирая мглу: «Не пей! Не пей! Не пей!»

Весенние тропы

В грусть засеяны крупы.
Падают в рот эзопы,
Как весёлые трупы
На весенние тропы.

Врезан перст безымянный
Ногтем в нить Ариадны,
Спят колосья овсяные
И растут беспреградно.

Жизнь – точёный обычай
В коже жёлтого ситца –
Косит головы бычьи,
Боль земли колосится.

Зёрна преобразений
Завершаются в курах.
Ты рисуешь мишени
На своих эпикурах.

Падают в рот эзопы,
Как династии с трона,
На весенние тропы
И навлоны Харона,

На зерно и росточек
Зла старухи Европы.
Так пойдём и растопчем
Все весенние тропы!

Развёрнутый свиток шевелится пальцем,
На свитке – задача для пятого класса.
Об этом не зная, тревожится рыцарь,
И правильно делает. В школе он не был.
А ржавой кольчуги тягучая масса
К земле пригибает, и хочется рыться
В корнях и помёте, и в запахе хлеба.
Смущённо прикрыв опушённое рыльце,
Вернуться в обитель заблудшим скитальцем.

Вернуться в обитель, корнями питаться,
Склониться в утробу чадящих традиций,
Всё взвесить и вытрясти странные вести,
И свёрнутый свиток на свечке поджарить.
Но чтобы вернуться, придётся родиться
Повторно и в нужном для этого месте,
Но этой пилюли никак не нашарить.
Пустыня и рыцарь. И в этой фиесте
Развёрнутый свиток шевелится пальцем.

Вырежи и сохрани

Лжёте, не дуя в ус,
В обменном пункте миров на сладкие язвы искристых бус,
Западая в ошибку, брак,
Которые свинчиваются в кошачий мрак.
В вас –
Копыта-костыли ваз
И крохи предельно коротких фраз,
Которые склёвывают голуби внутричерепных сил
В никчёмный трезубец «пси»...
Вырежи, сохрани, спаси.

Душа

Душа, как комната китайца –
гудит, на ус мотается.
Но если всё сосать из пальца,
то разум угнетается.

Погасли мысли, их зола
Во зле, как сыр, катается,
выходят грязные дела
Из комнаты китайца.

В сырых пелёнках городов
изнемогают демоны,
и в ожидании Годо
тайком ползём на стены мы.

Рты Поднебесной

Холодные пальцы месят уснувшую глину лиц,
Рождая под костной коркой весёлых картинок бриз.
Бензина испил уныло-распятый спаситель-шприц.
Над небом на ладан дышит сомнительный суперприз.

Проплакав медовой кровью, смеются ватаги лип.
Волшебные палочки тянут во рты Поднебесной рис.
Обсохшие веки века рождают искристый скрип.
Гнилое здание мира ложится глазами вниз.

Развал

Дым задыхается, затекая в свои же дыры,
И со спины мглы осыпается чешуя...
На дне миллиардов зрачков – факиры,
Глотающие ножи реальности не жуя.

Ра звал не раз, и сегодня земля истлела,
Красным соком налился ящер суда.
Последняя бабочка рухнула горсткой мела,
Свинцовые мухи ада летят сюда.

Пока Ра звал всех вверх смотрящих
Согреться о белых лучей печать,
Ящер готовил пурпурный ящик,
В который мы будем теперь молчать.

Как в первый раз

И безразличье фонаря,
И немощь грязной половицы,
И половина винной чаши
Неоднозначны. Два на два

Дерутся пары наших глаз.

И улетаю за моря,
На нас с тоскою гадят птицы,
И сухофруктом нашей раши
Давиться хочется едва...

И это всё как в первый раз.

Всё подытожено

Улыбаемся и машем!
Озверевшая от обиды шарманка
Весело заливает улицы
Похоронным маршем,
Налипает на лица наши
Густая небесная манка
И, опадая,
Отрывает пуговицы
Чёрных рубашек.

Что случилось?
Да всё просто кончилось
Продолжением начала.
Озеро тенденций
Внутри всего просочилось,
И для нас не стало причала.

Всё подытожено.
Всё теперь логически цельно
И как положено,
А я воспаряю на дне ямы
И грызу сердцем
Свинцовое мороженое.

А кто-то самозабвенно
Выдавливает удивлённый глаз.

Невидимые двери

Золотое слово

У липкой кожи еле живого,
У коридоров, у стенок танка,
Прилавка, банка, лба рулевого
Гниёт поверхность, дрожит изнанка.

Дрожит изнанка – останки власти
Костлявой шубы неандертальца
С привычкой мир не делить на части
И слёзы звёзд не сосать из пальца.

А выше талой природы гнёта
И даже мёртвого льда бывшего
Сокрыт невиданный дар полёта,
Улыбок звёзд золотое слово...

Баш на баш

Когда сгущённые миазмы базара, точно рыбы, ржали
И волки бегали за мясом, прикрывшись кожей волхвов,
Мы жилы света разможжали о запылённые скрижали
Забывтых всеми понемногу исконных смыслов вещей слов...

А из чернеющих былинки, насевших на ледовый панцирь
Долины русского раздолья и завершённых распродаж,
Сорокоградусные песни, зубодробительные танцы
Тянулись в их пещерный Хаос, непринуждённо...

Баш на баш...

Точка сборки

Точка сборки – запретная зона
Пешеходов подкожного зуда...
По унылым стопам Робинзона,
По истлевшим костям Робин Гуда.

Теневые пары теплотрассы –
Танцевальная сливочность ночи
В облаках некритической массы
С электронным умом «тамагочи».

В иллюзорном огне самогона
Колесит иллюзорный Иуда
По унылым стопам Робинзона,
По истлевшим костям Робин Гуда...

Крот

Усыпан стрелами холодной хвои
сурово спящий весенний воин.
В бутылку лезет пятно слепое,
и крот ротаций могилу роет,

повальным насморком став смеркаться
в фантазмагорию фальсификаций
фальсификаций фальсификаций
фальсификаций фальсификаций...

Всё, что капало на пепел,
Испарилось до рассвета.
Завтра волки будут нюхать
То, чем жизнь опохмелится,
Раскроившись на граните
Мармеладовой подстилкой,
Там, где голод оземлится
Молчаливой белой нитью
Ирреальных дипломатий,
Миротворческих контрактов
Нефте-газо-слёзо-крово-
Мироточащей земли.

Шарик

Розовея, свинцовая жёлтая хмарь
Заполняет бульвар.

Окукляется в кокон дрожащая тварь,
Превращаясь в товар.

Эбонитовый шарик луны в голове
Пробивает дыру.

И на радость весёлой июньской траве
Я сегодня умру.

Эхуязь!

Экзистенции застенчивый дымок
Кропотливо извивается у ног,
Поднимаясь до невидимых дверей,
Что откроются не завтра и не здесь.
Поплававком приопускается восток –
Будда клюнул на пластмассовый росток...
Миллиарды истощённых батарей
Разлагаются в коричневую смесь.

Экзистенции застенчивый дымок –
Дух трагедий тех, кто делал, но не мог,
Тех, кто вышел из себя покочевать,
Апельсиново, порывисто смеясь,
По огромной и бесценной красоте.
Двери помнят и об этих, и о тех...
После долгого стремленья корчевать
Будем долго вторить в лодке эху: «Язь!»

Боги

Каменные лица тех, кто падал ниц,
Жжёт, сорвав пожизненные маски,
Огненная буря бешеных жар-птиц.

Те, кто никогда не падал ниц,
Остывая, падают на знамя...

Боги не читают на смерть сказки.
Боги умирают вместе с нами...

Жёлудь

Продолжая мечтать о боге,
Дух, как жёлудь во чреве утки,
Вызревая, случайно вымер.
Пустота разрезает сутки
В синеватом июльском смоге
И весёлом шашлычном дыме.

Раскалённую желчь в желудки
Изливает больное вымя.
Прозревает заблудший брат, но,
Вызревая, случайно вымер
Дух, как жёлудь во чреве утки.
Кто достанет его обратно?

У Макара

В щёки сдувшейся кровати
Наползают тараканы,
Конь педальный бредит мишкой.
Дело времечку под стать.
Гой, в гранёные стаканы
Слёзы детские собрать и
Переплавить на короны!
Так шевелятся под крышкой
У Макара макароны.

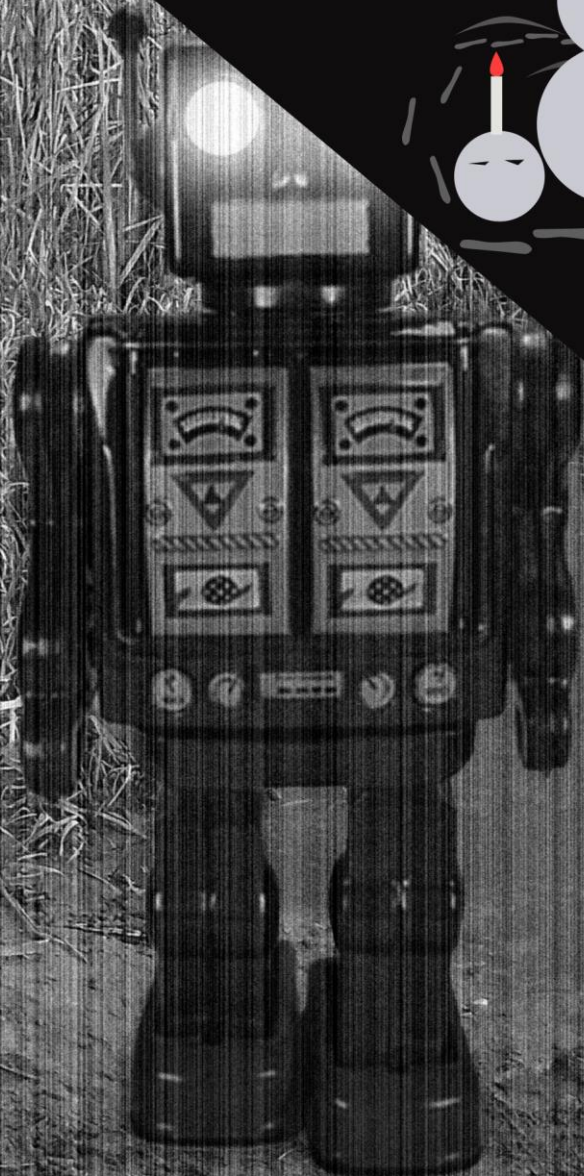
В темноте, забвенья ради,
По бутылкам брага бредит
И кончается отрыжкой.
Дело времечку под стать.
Гой, под гомон междометий
Взять и лезвием Оккама
Пообстричь овечьи кроны!
Так шевелятся под крышкой
У Макара макароны.

За стеной, за шторой страсти
Ждёт печальная Вальгалла.
Ждёт, как лакомства – мартышка.
Дело времечку под стать.
Гой, цветные оригами
Повтыкать врагам в моргала!
У добра свои законы.
Так шевелятся под крышкой
У Макара макароны.

По заре

До зари разорятся тушканчики водянистых мозгов,
На лапах ночных костров
Разорвутся барабанные перепонки.
И в пюре из мелких купюр будет выкрошен абсолют,
Абсолютный предел, под абсентом лежащий смрад
И судьба на картонке.
Не смотри, что паром и мосты на дне, интерес влеком
Кошельком, а до звёзд далеко.
По заре прозревают ежи отзевавших мозгов,
Накалывая диалектику потерянных мыслей-носков.
И в себя вбирают и пьют
Космодромы, Вагнера, Китеж-град.

Огоньки

Огоньки в бутылке водки
Мерзкой солнечной гримасы,
На ветру шуршат ошмётки
Изумрудной биомассы.

Пустотой полны карманы,
Полнотой пуста посуда.
Мы смешные наркоманы
Потребления абсурда.

Невесомо слово наше.
Двое – в гроб. Кто будет третьим?
Больно жить в безвкусной каше,
Что-то нужно делать с этим...

В уродливом мире

Реальностью Матриц дробятся последние чувства:
От сборища клоунов – к ровной плантации клонов.
Тут всё, что не гроб – неминуемо ложе Прокруста.
И всё, что не яд – то градация одеколонов.
В уродливом мире, растущем на знати и черни,
Мы все остаёмся унылым продуктом брожения...
Из дёсен настойчиво лезут мохнатые черви,
И тени размазаны птицей головокружения...

Звероутро

На плите звереет чайник, извергая носом воду,
За окном – пернатый хищник в круглом образе светила.
Утро долбит жёлтым клювом панцирь старому заводу,
Не проснётся черепаха – там теперь склады тротила.

Тихо ползает троллейбус, завалив рога за уши,
По беззубым ртам колодцев люди улиц варят жижу,
Млеют нищие кварталы... Я смеюсь в экране лужи
И беззвучно проклиная всё, что с детства ненавижу...

Голые стены Венеции сложены в бледно-сиреневых высях,
Яхонта красного горсти не брошены, сок отрицания высох.
Сердце патриция занято вазами, руки плебея – глиной,
Ветки истории – трупом со стразами, рынком и Магдалиной.

Мир отвратительным хижинам жидким, жирным дворцам. И сам
Мир устоялся, собрал пожитки, высушил паруса.
Ветер шипит в такелаже, и тихий дьявольский шепоток
Реет над фарсом истории, смятой в вечное шапито.

Рождение истины

Веселье и смех разрастаются Талией.
В этой тупой программе
Есть две кнопки – «Выход» и «Далее».
Пока слепые рыдали,
Сидя в навозной яме,
Их продали и получили медали.

Для поддержания репутации
Растут на русских просторах
Безупречные в эксплуатации
Плантации свежих рабов.

Истина рождается в спорах
Галлюциногенных грибов.

Безразличие

Фатальная ошибка –
Это когда портится аппетит.
Курица и яйцо в салате
Одинаково хороши,
И какая разница, что первично?
Какая разница?

Пустые тёмные улицы – чистилище,
Шлюз перед аппетитом.
Кто-то уже пять часов ест,
Кто-то уже месяц не ест,
Но всё равно растёт не протест,
А аппетит.
Пустые улицы – амфитеатр покоя,
Но в земле больше свободных мест.

Люди в сером
С аппетитом таскают в отделение...
Кого? Какая разница?
Фатальная ошибка –
Это когда портится аппетит.

Долго смотреть в глаза –
Признак болезни или дурного тона.
И какая разница, в чём причина?
Грудную клетку безразличия
Насилует ветер.

Ты всё ещё мёртвый.

Юла

Симулякр правдоподобия
Лжи, жонглирующей подпорками, –
Управляемая клаустрофилия-клаустрофобия,
Умудрённая свинцовыми и пластиковыми подпорками.
Яблочная кожура усохла,
Но вместо раскалённого хаоса всплыло что-то,
Отдалённо напоминающее разбитые стёкла
В очках повешенного государства-банкрота.
Ускоренного метаболизма юла
Не даёт сдвинуться с места и ковыряет пол носом.
Здравствуй, тысячелетний рейх, неолиберальный ГУЛАГ,
Симулякр правдоподобия Лжи!

А жизнь – под вопросом...

Жажда

На пыльные камешки высохших, рухнувших башен
Ветер наносит трупные пятна.
Жребий брошен, смутьян повешен, мир перекрашен
Из жёлтого в розовый и обратно.

Духовная пища «нового» мира – экскременты попкорна,
Стабильность праха и порно-розга.
В наивном стаде, под нож идущем покорно,
Свирепствует засуха мозга.

В поисках влаги по тропам волчьим и ртам проплешин
Дел больше, чем слов, но
Жребий брошен, мир перекрашен, смутьян повешен –
Жажда наказуема поголовно.

Спасаясь от «духовной пищи», зашиваем себя в пакеты,
Засыпанные в душных штреках.
А для уродов во время чумы расцветают пиры-банкеты.
Осушая мечты о молочных реках...

Реклама

Реклама жизни – гештальт нуля, глаза
Червоточащего мёртвого плода.
Порядок из этого хаоса –
Рыхлая карточная колода.

Мир пожирают личинки слоганов.
Скидка, пряник, кредит, пах, кнут...
Ингредиентов много, но
Мусорные баки одинаково пахнут.

Неуклюжая симуляция разнообразия
Сияет обёрткой шаткой и валкой.
Наверное, в этот раз и я
Выжгу себе глаза зажигалкой.

Интуиция

Интуиция. Скрытым от взоров сюрпризом
Кто-то страшный скребётся в закрытую дверь.
Будет время – взлетит над алеющим бризом
Хладнокровно-прекрасный карающий Зверь.
Будто в солнечно-жёлтый кусок поролона
Постепенно впитаются холод и дрожь,
В затянувшемся сне на краю Вавилона
По следам сухожилий пройдётесь штык-нож.

Книга

Мир изношен, как бледная баба раба.
Даже небо дарует кислотную слизь.
И вращается стильный стальной барабан,
Чтобы в этой игре никому не спастись.

Безграничны сады ахиллесовых пят
На невинных руинах поверженных глаз.
Под ногами забвенья умильно хрустят
Ледяные осколки фарфоровых ваз.

Пусть речные солёные воды черны,
Но на берег намазали розовый крем...
Децимация – ветхая книга войны –
Непристойно открыта, и я её ем.

Где не хватает миллиардов,
бывает много одного.
Война захватывает дух
остервенело и наго.
Попересчитывали адов
чужой хрустящий камуфляж,
поперегрызлись за еду.
Ну так и что?
Еда ж.

Бурда

Кишат под ногами Зверя тщедушные гулливеры,
Где липнут к чужому свету, пушистому, словно пена,
Сонливые парадоксы разграбленных слов и веры
И рабство идёт навстречу бурде гробового тлена.

Гербарий зелёных страхов в предчувствии новой дозы
Шуршит за закрытой дверью испытанного позора.
Из книг испивая солнце и грозно глотая слёзы,
Под копотью коматоза рождается воля Зорро.

Сливы

Пока собака покоится в свежем горячем лаваше,
Разлагаясь в сомнительный яро-стиль,
Пока ещё не ушло деление «наше-ваше»,
Зажатое в своей безобразной старости,

Одних вынашивают, других выносят,
Иные мечтают быть невыносимыми.
А жажды истины излишняя горсть – яд,
И это лучше, чем отравиться гнилыми сливами.

Быть проще

Задорно проходит неделя-жизнь вся
Под микроскопическим объективом:
Токсоплазмы кишат и делятся
Своим паразитерным позитивом.

Ходить по смыслам благих эмблем,
Читая Ницше в кленовой роще –
Зачем? «Нет головы – нет проблем».
Конечно же, лучше быть проще...

Прогорклый торт вечерних дум
Мне отравляет организм.
Густая слизь игры теней
Толкает страх в последний путь.
Моя реальность – атавизм.
Сегодня в моде белый шум.
Второе Я сказало: «Будь!»
Но Все воскликнули: «Имей!»

Под дождь. По гравию. В ночи.
Железный запах поездов.
Моя реальность – атавизм.
Все имитируют экстаз.
Под покровительством крестов
Казнят друг друга палачи
И, не смыкая мёртвых глаз,
Мне отравляют организм.

Часы глотают вниз песок
И приближают смертный час...
Моя реальность – сущий бред?
Её не будет никогда?
Любви тотальность – не для нас?
И ни к чему свободы сок?
Со всех сторон стреляет: «Да».
А изнутри сочится: «Нет!»

В обжигающую тьму ночных улиц
Расширенными зрачками выливается
Внутренний туман,
Молочными щупальцами животного страха
Выжимая по каплям
Волю идти вперёд.
Когда в лабиринте пульсирующих капилляров
Торжественного церемониала
Закипает густое вино,
Из какого-нибудь хлева
Вырывается первый крик младенца,
Открывающий эру новой борьбы.

Мы пили мёд, мы пили квас
В тени ветвей своих родов,
И наблюдали в первый раз
Слиянье лапок и следов.

Следили раз, и два, и три
За наследившими зверьми,
А мир протягивал ремни
От слова «делай» к слову «жри».

Следы без лапок и зверей,
И Зверь без лапок и следов
Росли из окон и дверей,
Из чёрных язвищ городов,

Из обозримого стыда
И необъятного «нельзя».
В ладоши хлопали стада
Хрестоматийных обезьян.

Цветёт и пахнет метастаз
Разбитых лиц, античных ваз,
Закрытых глаз, открытых баз,
Зарытых нас, забытых вас.

Но нам лопата не указ.

Тот колпак колпаковски сшит,
Под которым кусают вши
Все слои мировой души.

Снял такой – и мигом погиб.

Лишь хозяйские сапоги,
Кость, ошейник и конура,
Летаргическое «ура»,
Колпаковский колпак – это то,
что кусать не может никто.

Бытие перешло в ничто,
А ничто во что перешло?
В корм, покрошенный в решето,
И коробками толстых стен
Создающую улей тень.

Люди лепят снеговиков,
Совпадая резьбою рук
С белоснежной плеядой искр
Жизни, вышедшей из воды.
Но оттоптаны сто шагов –
Неизменно выходит круг.
Где-то в сердце маячит шторм,
Значит, нужно идти на риск,
Чтобы вырвать себя из форм
Территории и еды.

Рыбий почерк варёного глаза Луны
Заставляет дрожать,
Роковую педаль солнценосной войны
Нам осталось нажать.

Выхлопные концепты бетонной трубы
Погружаются в транс,
Невозможный побег из стеклянной судьбы –
Наш единственный шанс.

Только звёздные блики на наших щеках
Как связующий мост:
Где рождение – смерть, где пророчество – страх,
Где падение – рост.

Рыбий почерк Луны, очертания спин,
Нездоровые сны...
Нам осталось приблизить багровый рубин
Солнценосной весны.

Затыкая щели собственного лебяжьего духа
зыбкими вещами, жалким жалованьем, желаниями жёваными,
Надо помнить, что путь острых предметов от уха до уха
Недолг, а кирпич на крыше сидит напряжённым.

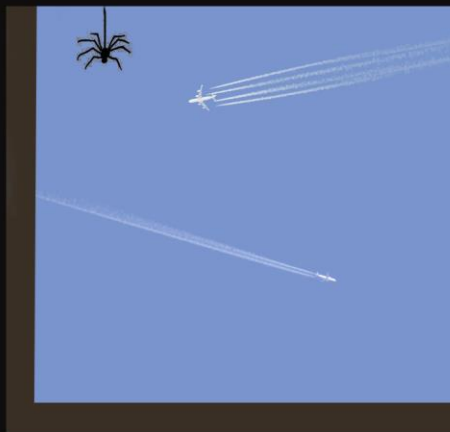
Поэтому строить будку и сажаться на цепь
Не более осмысленно, чем ковырять топором книгу.
Всё, в чём расцветает жизнь – цель.
Всё, что лишено жизни – иго.

Чёрные кольца шагов по кромке, по пластику декораций
Слипаются в цепь вибрацией «пятой стены».
Заглянув зачем-то за бледную рябь фальшивого Рацио,
Вернёшься, зная: вовне – страна водяных.

Вернёшься, зная, что есть облака не только там, где ты,
Что счастье и солнце не множит унылый дубль,
Что исчезнут две стороны одной и той же надоевшей монеты,
Когда будет переплавлен последний рубль.

Актёры устало играют роли в пародии на пародию,
Революция ждёт молнии, выставив опалённую нить.
Чтобы даже слепые тени, живущие в среднем роде,
Отрезвели атлантами и героями, умеющими любить.

0 Дне Родины

Наследие-1

Наследие –
Волны песочного рассвета,
Наполняющие перевёрнутую чашу далей
Древесными мотыльками
И выдавливающие маслянистый туман
Из идеально-чёрных,
Пустынных,
Воплощённых талой водой зеркал.

И бешеные кирпичные лисы остановок
В погоне за теньвыми колобками пустот,
Роняющие в землю
Оторванные глиняные лапы.

И мы, безоружные
Перед лицом рассыпчатого хаоса,
Складывающие из лоскутов
Разорванного флага капитуляции
Наследие,
Дающее право на разрушение
Разрушения.

Наследие-2

Протирая линзы озёр
от липкого тумана,
срывая пыль со смущённой
утренней земли,
осушая мокрую щетину
хвойного леса,
движется змей ветра.
Свернувшись в кольцо,
он съедает себя, чтобы снова
родиться из небытия.
Протирая глаза
От долгого и тяжёлого сна,
надевая рабочую униформу,
сбривая щетину тщетности,
просыпается человек.
Он сжигает куски кошмаров,
как части своего прошлого,
чтобы обрести высшую целостность,
чтобы унаследовать весь мир.

Коктейль

Коктейль манящий
Небесных вотчин
Как Тельман – ящер,
Врага разящий.

Коктейль багряный
Хвощей обочин
Как Тельман – пьяный
От красной мощи
Зари грядущей,
Животворящей.

Досталось бремя
И душ, и тел нам –
Мы будем теми,
Кем падал Тельман.

Скоро

Вы надменно сжимаете губы,
Мы закованы в потные робы.
Скоро семечко будет дубом.
Скоро семечко будет гробом.

Мы работаем в проданном поле,
Вы копаетесь в рыночном пуле.
Скоро ненависть будет волей.
Скоро ненависть будет пулей.

Вы пришли торговать друг другом,
Мы – ночами мечтать о многом.
Скоро творчество будет плугом.
Скоро творчество будет богом.

Поле чудес

Рынок – поле чудес.
Что вращать барабан?
Ты всё время банкрот.

Сунешь руку в карман –
Гладкоствольный обрез
Тебе выстрелит в рот.

Не закапывай честь
И надежду не сей
По стране дураков,

Здесь немало друзей,
Но совсем уж не счесть
Настоящих врагов.

На обмане обман,
На обрезе обрез,
И конвой у ворот.

Рынок – поле чудес.
Что вращать барабан?
Ты всё время банкрот.

Не забыли плести плети,
Не устали косить косы.

Две дороги лезут из клетки:
На помойки и на допросы.

Ветви космоса, роботы, росы
Умирают на лысом паркете.

Чтобы жизни плести косы,
Нужно рабства скосить плети.

Синяки под глазами берёз
Распивают портвейн.
Дождь, белея, себя перерос
И заснежился в Рейн.

Искры будущих искренних вер
Не заметил никто...
Как нелепо ушла ГДР,
Так пришла ВТО.

От Победы остались рубцы
И ненужный вопрос:
За кого умирают отцы
Под глазами берёз?

Пляж

Осколки солнца на грязном пляже
Пугают кошек. Косеет сажень
От поеданий куриных ляжек
В лакейских кельях многоэтажек,
Где паранойей на нож наколот
Перекрёщённый духовный голод
И над телами сверкает голо
Нетерпеливо звенящий мрак.

А тени правое месят с левым,
Цветы – с асфальтом, Адама – с Евой
И выясняют, кто примет первым
Чужую пищу под крышей хлева,
Где каждый первый откока-колот,
А каждый лишний кошмаров полон...
Но красной сталью налитый молот
Звенит над полем, где сляжет враг.

Соль земли

Принимаю парад золотистых лещей
И приправленных смертью индеек,
Аппетитный маразм городских овощей,
Макароны варёных идеек.

Зубы вилок сияют в грызне за лимон,
Соль земли через чайное сито
Продавилась, как подданных давит ОМОН,
Как бледнеет десна аппетита.

ПГВ-1

Волком под грозный марш
Вырвется алый шторм,
С окон съедая фарш
Шёлковых прядей штор,

С окон срывая тлен.
Мирный мещанский сок
Выпив из чёрных вен,
Внутрь зальёт песок.

Жаря кровавый ад,
Лоб не поморщит Феб.
Верным хирургом стад
Станет остывший хлеб.

Будет седая старь –
Сердце стеклянных сфер –
Брошена на алтарь
Эросу новых эр.

ПГВ-2

Бомж впитался в потёртый свитер,
Будто он – говорящая рыба

Золотым ртом в сеть.

Небеса захмелели, либо
Ими кто-то ботинки вытер,

Чтобы завтра висеть

На столбе водянистой ватой,
На руке воспалённым шрамом,

На рассвете – и в морг:

Распухая зелёным шаром,
Изымать из души распятой

Бело-мёртвый восторг.

ПГВ-3

Полыхают в подкорках строчки
Песен вечной мечты. Не поздно
На вершину её костра встать
Из тоски городских огней.

Отрываясь ногой от кочки,
Представляться летящим к звёздам,
Рассекающим тьму пространства.
Но пока на равнине дней

Всё молчат деревянные козы
И пластины свиной нарезки,
И грызут пауки на люстре
Аппетитных фруктовых мух,

Из ладоней тянуть занозы,
Прятать вазы за занавески,
Ковырять по тарелке устриц,
Прятать в подполе лук и дух –

Остаётся. И очень просто
Наблюдать, как светлица давит,
Как вворачивает в пучину
Веры в чудо и в страха гниль.

Но не в небе волшебный остров –
Панацея от яда яви,
Он – в желании вскрыть причину
И отправить её в утиль.

О Дне Родины

Подтаявший день окольцован охрипшими песнями,
Пожёван тенями, чуть жёлт и немного рыж.
И пляшет мечта молодых не дожить до пенсии,
Как солнечный зайчик – сталкер дырявых крыш.

Как солнечный зайчик... Бесцельно его мерцание
В бетонные лысые стены, в окна проём.

Священный закон – отрицание

отрицания,

Мы здесь закалились холодом – не умрём!

Легко не заметить слепого вмерзания в кому:

так,

Фальшивый порядок прилизанно-офисных дней –

Лишь корочка льда на поверхности тихого омута.

Но что-то стальное опять вызревает на дне.

Беспечные стаи немногих хозяев многого

И тех, кто последнюю правду в тюрьме гноил,

Смеются и смотрят в мутное наше логово.

Но здесь глубоко.

И

далеко не ил...

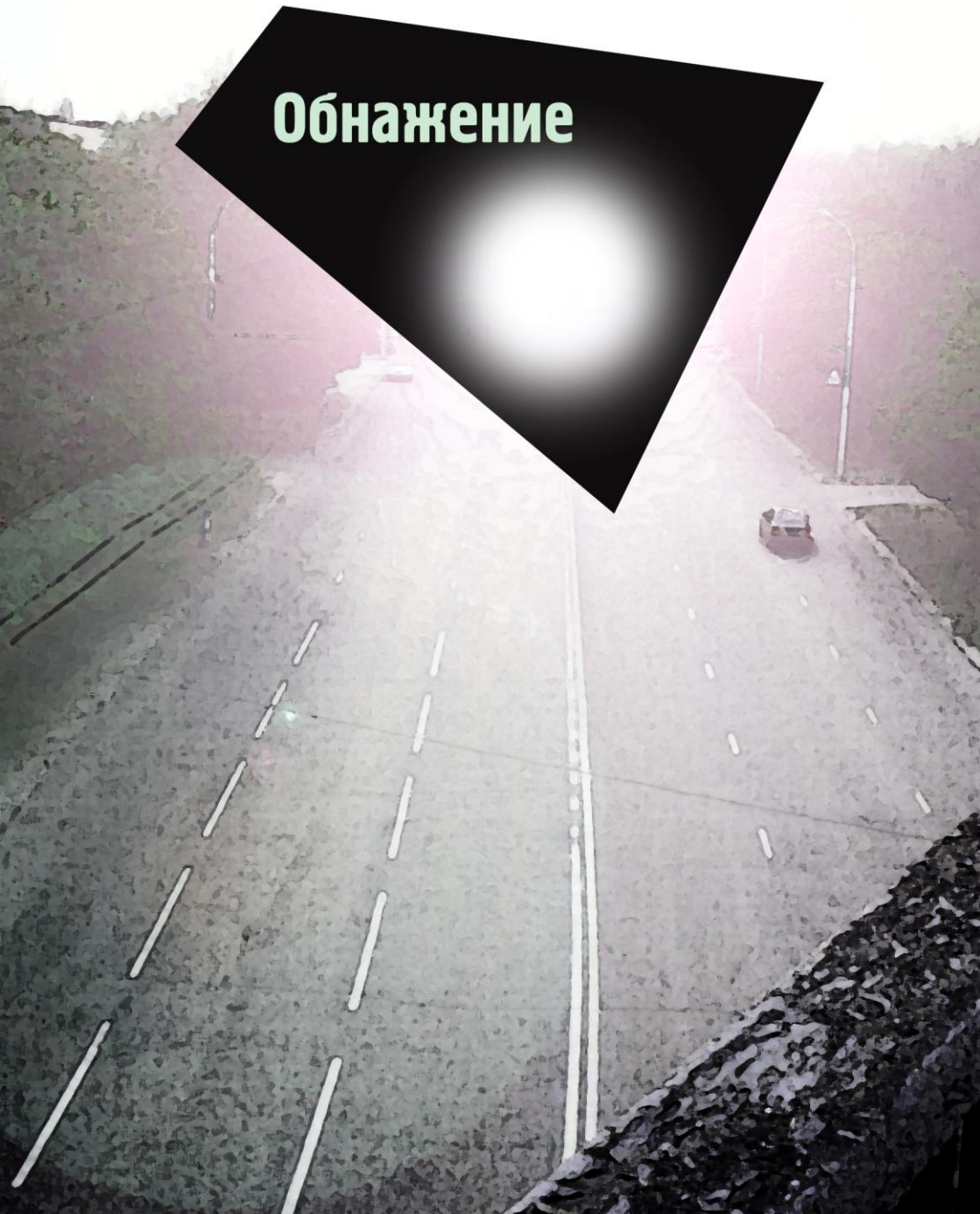
Вечер ледяной
и поздний,
Радио вещает
басни...
Гроздя социальной
розни
Спеют накануне
казни,

Спеют накануне
пира
Бешеных свинцовых
градин...
Басни радиоэфира
Вышиты моралью
гадин.

Первые колонны
танков
Приближают грохот
грозный –
Это спеют в сердце
Данко
Гроздя социальной
розни.

Кто умрёт – уже
не важно,

Обнажение

От побега заплачет смешная тюрьма,
Притворившись ненужным подарком.
Будем странствовать долго по чашам ума,
По заброшенным книгам и паркам,

Золотыми цветами корзины корней,
Горним плодом косматого древа
Приручать сизокрылых летучих коней,
Упорхнувших из адского хлева.

Вороноворот

Пустырь и стар, и сер, и обделён травой –
На талии Земли родимое пятно...
И в небе много глаз не видят нас с тобою,
А мы внутри себя нащупываем дно.

Огромный дуб пестрит судьбою бурелова,
Где каменный карьер разверз беззубый рот.
И наши взгляды вверх над хаосом бывшего
Затягивает вороноворот.

Метель – малиновый суп,
Шипит неоновый бриз,
И чей-то выбитый зуб
Корнями тянется вниз,
И забивается в снег,
Раздвинув челюсти льдин –
Он оторвался от всех,
Он безнадежно один.
Когда растают снега,
Сольются тысячи губ, –
Опять подастся в бега
Один потерянный зуб.
Когда растают снега –
В коллектор смоеся он...
С неоном пляшет пурга,
Кипит вишнёвый бульон...

Улитка

Кошка вечерней зари выгибает спину,
Звёзды дрожат, и легонько скрипит калитка.
Чёрная тень моя шепчет: «Я скоро сгину,
Лишь по прозрачному лбу проползёт улитка...
Лишь каблуком мне аорту проткнут навывлет,
Прочь заструится туман, продувая рану,
Дождик холодный слёзы свои выльет,
Смоет улитку. Я в Лету легко кану...»

Сны наяву – это странной души трюки.
Нежной любви тонут в земле нитки,
Медленно к льдине стекла подношу руки,
А отражаются только витки улитки.
Чёрная тень моя шепчет: «Я скоро сгину,
Липкого прошлого скинуть пора бремя,
Красное утро улыбкой спалит тину,
Лишь по прозрачному лбу проползёт время...»

И волны белого огня
Летят на скалы мёртвых трав
Калящим зноем по рукам,
Ветров мозолью по глазам.
Пустыню мёрзлую обняв,
Как из дырявого ведра,
Струится солнечная власть.
Хрустит подножный лёд, пока
Питает белоснежный храм
Снегов зыбучая халва.

И вихри белого огня
Летят, как слово в пустоту.
Как слово без опор и стен,
Без эха и без адресата.
Пустыню времени обняв,
Как из дырявого батута,
Струится солнечная пена.
Всё чисто. Всё сияет всем.
И опалённый мыслесад
Уходит в белое степенно.

Где луною обозначенные лица
Раскрываются печальней и полней,
По дороге ковыляет кобылица,
Ржавый скрип шевелится за ней.
Словно тлен под ярко-красной краской
Поедает вещи изнутри,
Застревает звуков белый хрип
В старой тьме – замученной и вязкой.
И ключи от будущей зари
В никуда звенят бессильной связкой.

Храм

Чёрные дубы сумрачно вплелись крыльями ветвей
В хвойный хлорофильм, потаённых дум ледяной альков.
Вороны волкам грают на луну голубых кровей,
Спрятанную в высь, в млечную гуашь белых облаков.

Каменный триумф, оплетённый в хмель обретённый храм –
Капает вовнутрь каждого, кто здесь, сыростью и сном,
Сияясь обострить злое слово «месть», боль уснувших ран,
Из покоя в бой скручивает нас красным колесом...

Обнажение

В ледяные усы дует свет раскалённого шара,
Перламутровым смерчем снежинки садятся на сов.
Разбегаются руки героями Пьера Ришара
Из тугих кошель и затянутых поясов.

Разбегаются в небе следы распылённого мрака,
Лакированной глади пустых созерцаний, нирван.
Разбегаются щука, и лебедь, и рак, и созвездие рака.
Золотыми фонтанами воздух январен и рван.

И под сенью промёрзлых качаемых самоподобий,
Залезая по горло в невидимый дирижабль,
Из земли мы глотаем застенчивый голос утробий:
«Кто здесь взглядом природу и технику обнажал?»

Горизонт завален

Глубоко зияющий зенит
Тишиной таинственно звенит,
И смеётся хвоя под ногами.

Горизонт завален вороньём,
И сидит, как луковица, в нём
Вещий глаз, нарезанный кругами.

На пеньке солдатики поют
Песенку беззвучную клоповью
И вино невидимое пьют,

Как на марш собравшийся народ
Анекдоты, писанные кровью,
На устах торжественно несёт.

Мы уходим выпить тишины
За приход предсказанного мая
И упорство листьев кружевных.

Тишина просторна и долга,
Как шуршит перчатка шерстяная
В горле надоевшего врага.

Провода зелёных веток
Дребезжат под жидким током,
Напряжение в суставах
Бьётся листьев плоскостями.

Перья дней склоняют лето к
Житию в краю далёком,
Распушась росой на травах,
Сочноплодными горстями.

Как лекарство из пипеток,
Звёзды жгутся ненароком –
О, полезная отравя!
О, кадушка с новостями!

Пропитаны запахом кедра
На северно-звёздной палитре
Сокрытые временем недра
Того, что мы совестью вытрем.

Того, что мы делом омоем,
Получим от солнца в награду,
Где медленно, слой за слоем,
Напишем свою Илиаду.

Коней безрассудства седлая
И мчась в кукурузных космах
По пенным полям бедлама
В закрученный микрокосмос,

Следишь, как стрела седая
Поёт луговым стрекозам
И платье Земли, спадая,
Снимает следы наркоза.

Зарницей просвечены крыши,
И жилится хвойная чаща,
И совесть становится чище,
И мир понимается чаще.

Грачи отводят взгляд
Смущённо и неспело,
Как брошенный отряд
В тылу больного тела

Пытается зажечь
Последнюю из спичек,
Но всё уходит в желчь
Повадок и привычек.

Мы не отводим взор,
Клюёт отряд грачиный
Какой-то тухлый сор
Последствий и причины.

Мы не отводим зло,
Но верим, будто снова
Блестит огнём излом
Коры большого Слова.

Что жмётся Иегова,
И тает Заратустра,
И жизнь звенит, как люстра,
В преддверии такого,

Что глубоко, наго
Лежит в души пенатах
Прообразом богов
Для семечек пернатых.

Комками теней темнота по углам заплелась
И тихо уставилась в нас, ободрав как липку.
Ни ты, ни они, ни я, ни слепой карась,
Убивший железным лбом золотую рыбку,

Не выйдут сухими из этой святой воды,
И это даёт надежду остаться в каждом.
Всё вертится. Но, и себя прочитав до дыр,
Сомнения киснут на дереве многоэтажном.

Комками теней темнота запеклась по углам
И, тихо оставившись в нас, к оболочкам липнет.
Ни ты, ни они, ни я, ни слепая мгла
Не в силах надеяться. Да и весомых причин нет.

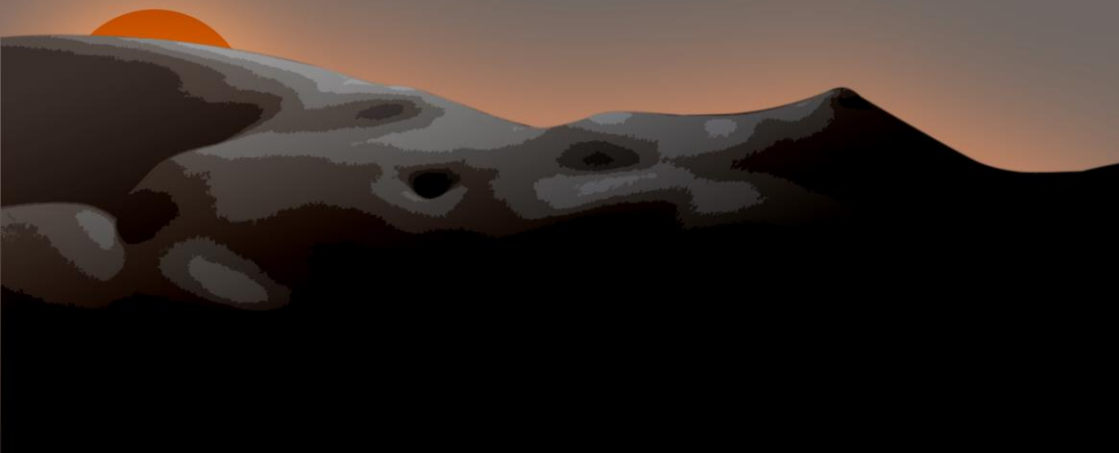
Под крышей

Здесь луком полны колготки, как судно полно экипажем,
Как жиром полна верёвка и грустью луна полна.
Сопит на густой соломе суровый Сократ со стажем,
А рядом скелеты кошек, а рядом вино и война.

Как пахнет альков чердачный корзиной сушёных яблок,
Фильтруя раскаты грома по тону и глубине,
Так всё мировое горе завяло бы и озябло,
Но отзвень матовых стёкол разбужена о войне.

Под маленькой белой крышей, на гребень горы похожей,
Натянута паутина секунд, миллиметров, грамм
От града, огня зажигалки и дыма собственной кожи
До самого дорогого, что и называть не нам.

**Атлантида
Запретных
Зон**

Пора трогаться

Ночь. Февраль. Духовная евгеника.
Мы идём кому-нибудь присниться.
А фонарь похож на шизофреника,
Белый клевер тает на ресницах.

Мы вплелись в космические танцы,
В бархат эйфории, – чтобы сутками
Нарушать законы гравитации,
Утончённо трогаясь рассудками.

На картах сгорела последняя тушь,
Цветочных мелодий рассыпались схемы,
Огнём и мечом на прозрачном песке мы
Синхронно рисуем слияние душ.

У мраморной кошки лоснится спина:
Живая вода – прерывание нормы...
Мы ищем предел осязания формы,
Легко забывая свои имена.

Трепещет внутри лубяной авангард,
Волнами объятий границы стирая,
От сбывшихся снов до далёкого края
Цветочных мелодий, изменчивых карт...

Неназванный сеет свои семена
В древесные звенья ветвистой цепочки.
Мы ходим внутри прорастающей точки,
Где вещи готовы терять имена...

Ожидание

Вечер. Игры поруганным сном – на асфальте атласном
Ядовитые краски стремятся в сухую пастель,
В подворотнях качаются злые и бледные тени
Продырявленных залпом пустой алкогольной картечи...
Изнутри истекая, спаялась зелёная мгла с

Чуть живым фонарём ожидания девушки в красном,
Погружающей в бело-горячий молочный коктейль,
Закипевших над кожей берёз, безымянных видений,
Нежной росписью губ закольцованной медленной встречи,
Лабиринтовым блеском небесно-нордических глаз.

Расчленение

Пластами пространства меня расчленило,
И я распостёрся кусками по суткам,

Поросшие гневом стальные драконы
Азартно глотают пунцовое мясо.
Поросшие гневом друг друга пасут, как

В кофейную гущу вливают чернила.

В кольце окрылённого дикого пляса
Звереют над небом уснувшей Арконы.

Меня расчленяет, когда ты не рядом.
Но шприц приближений, застряв между пальцев,

Проглотит ненужные миру законы,

И мы, отразившись от стен мавзолея,
Под белую зависть последних скитальцев,
Бредущих по морю разбитым отрядом,

Всерьёз полетаем, зарёй заалея
Над сумрачным небом уснувшей Арконы.

Источник

По нотным ароматам летних трав
И чертежам алеющих зарниц
Мы пронесём источник наших прав
На мириады звёздных колесниц.

Отслоился шелестящий корешок
Внереальных внутримысленных кишок,
Как античный герметический фетиш.
Замурлыкал в голове двоичный кот,
Оперение расправилось, и вот
Над землёй и я лечу, и ты летишь.

Да, вокруг пустота, невесомость дурного покроя,

Царство

жалких

пародий...

Я живу лишь с тобой – в эпицентре системного сбоя

С двойкой

в двоичном

коде.

Двойник

С небосвода сорвав громовик,
Мы встречаем осенние зори,
И качается жизнь на рессоре
Золотого такси для двоих –

Возрождённых в объятьях горячих
Двуединого чувства судьбы.

Окрыляющий трепет проник
В облака октябристого утра.
И в туманных щитах перламутра –
Наш сияющий общий двойник,

Возрождённый в объятьях горячих...

Фиалкового неба лепестки
В твоих глазах дождём перелились, и
Оттаявших теней шерстинки лисьи
Перешуршали в красные пески,

Разбухшие до ягодок рябин.
Мы пьём вдвоём всеведенье Хаомы,
Наедине наследуя хоромы
Любовно-галактических глубин.

Моей Судьбе

Вы взрываете горизонты всех когда-либо сущих правил,
Разбивая останки прошлых безобразно молчащих стен
О пронзительное богатство рукотворно растущей Прави
И чернильные артефакты на нетлеющей бересте.

Солнце блекнет в шифоне странном. И дыхание лезет в змейку
Нутряного потока света, возжигающего экстаз.
Внутримышечных электричеств наклепите на нас наклейку,
Окропленную океаном ваших бледно-небесных глаз.

На волне

Всё движется тонко и точно
На кромке, внутри и вовне –
Сияют спирали роста.

В твой внутренний мир вникаю,
Что горный хребет в облака:
Взаимностью бродит гроза.

Ты реешь со мной на волне
Под свист ледяного оста –
Отточено непорочно.

Любая свинцовость легка,
И вечность роится в глазах,
Когда ты со мной – такая.

Вопросов больше нет

На стебле майского утра качается солнце ли,
Пчелиного цвета раскрытым бутоном?

Или мир сегодня до самого края полон цели,
Катарсиса ясных смыслов бездонным стоном,
И светится сам этими пчелиными красками,
Расправляя твои волосы в рыжий цвет?

Не так уж и важно. Ты смотришь ласково,
И этим утром больше вопросов нет.

Медная сома

Тяжесть единого голоса-ветра
Нежится в жерле своих криптограмм,
Мир затворяя в блоху миллиметра,
Жизнь облачая в росы миллиграмм.

Двойственность общего тела весомо
Двигается лаской на внутренний зов.
В грудь заливается медная сома
Прядей расчёсанных нами часов.

Огненно, главно, и шейно, и плечно
Капсулы чувств неприлично полны
Даром бесценным – остаться навечно
В храмах твоей безымянной страны.

Атлантида запретных зон

1.

Из своих героев чернеет Босх,
Ты – в дороге к дому, я упал на путь
Той тоски, что язвой корявит грудь,
Изнутри кромсает и шепчет в мозг:

«Окунись в метельно-сонливый пруд
Под голодный скрежет сычей и сов,
Наблюдай, как ржавый железный спрут
Примерзает к стрелкам твоих часов.
И под слоем вязкой туман-воды,
Не уняв щемящий сверхзвёздный зов,
Стань писклявой пищей сычей и сов,
Серым гребнем бреда разбейся в дым».

Склеив сплину пару унылых ласт,
Оставляю спруту клыки часов...

Ты приедешь скоро, и скрежет сов
Обратится в тихий хрустальный звон...
Стает бледной синью январский сон
С нашей Атлантиды запретных зон

От необратимо-весенних ласк...

2.

На последнем издыхании усечённой пирамиды
Схоронились кучевые перламутровые кони,
Откусившие тугую, ветром свитую узду...

Мы с тобою источаем пятикрылые флюиды,
Восседая на огромном полированном драконе,
И на небо водружаем пятипалую звезду.

3.

На палубе воздушного фрегата,
Отлитого из белого титана,
Под листьями кудрявого агата
Рассыпаны бесценные монеты
От времени отрезанных мгновений,
В которых прижимаешься ко мне ты.

Внизу – река, что слёзна и угрюма,
Вверху – что безымянно многогранна.
А в щедро раздобревшем жерле трюма
Нас растворяет ласково и странно...

Мы будем там, где будем вместе,
Анна...

Посолю разрез восхода,
зашевелится трава,
зашипят блестящей кожей
змеи, кольцами дымясь.
В паутинные мишени,
что обстреляны росой,
тихо ляжет круглый ветер,
поднимая паруса.
Мы сомкнём свои ладони,
дух захватим, и вперёд –
оплывать цветы каштанов
и качаться на волнах.

Паутинки, спрятанные в иней,
Видимы, как падающий голос
В глубину сиреневого леса.

Как медвежья невесомость Винни,
Тучкой полетевшего за мёдом,
Как печаль от радости – на волос.

Видимы, как следствия эксцесса.
Важно знать не то, откуда родом,
Важно видеть то, куда мы рядом...

Ты летишь тантрическим обрядом,
Паутинкой, спрятанной под иней,
Глубиной, отзывчиво-весенней.

А любовь – не это ли спасение?

За холодные столбы соляные
И хрустящие сугробы орехов
Содрогается стоглавое эхо
И в пространства вытекает иные,

А сиреневая накипь галактик
Через трещины мерцающей лампы
Тихо падает на мягкие лапы
И ворчит в ногах улыбчивой Шакти.

Из мозаики зари, как из лодки
Всеспасительного деда Мазая,
Зайцы солнца на ковёр вылезают
И садятся на твоём подбородке.

А твоих весёлых глаз звездолёты
Серым отблеском надсеверных вотчин
Мне рисуют, как огонь непорочен
И как сладок путь любви и заботы.

Итальянское

Под корою времён и за пазухой ваз
Сетью трещин на мраморной статуе
На тебя и меня наползает Этвас –
Почерневшее и полосатое.

Складки моря разглажены ветром из глаз,
И никто, кроме моря, не смотрит на нас.

Беспокойно дыша, вне кормы и бортов
Прорастая, подобно бамбуку,
Бледно-жёлтая плоть итальянских портов,
Трепеща, умещается в руку.

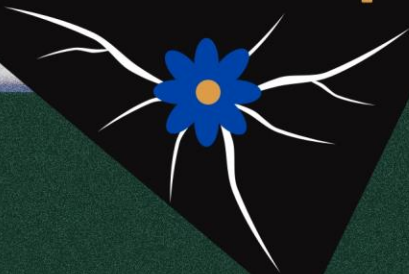
И зеркальные стебли железных цветов
Облака обнимают усами китов.

Под коркой лба пылает пламень,
Где зуб на зуб и камень на камень
Не попадает от мелкой дрожи
Того, что всегда и всего дороже.
В глазах содрогается пустыня Гоби,
Ты смотришь в эти пустыни в обе,
И я смотрю на эти пустыни,
Пока Сахара моя не стынет.

На поверхности озера зыбкая плёнка неба
Полыхает, колыхается, морщится не старея,
Покрывает глухой глубины мягкое тело
И срывает покровы с тяжёлого вдоха счастья.

В этом вздохе и грохот бегущих по рвам коней был,
И ржавеющий гул мироздания в старой котельной...
Мне с тобой бы ещё обойти все миры хотелось
И от приступов яростной нежности не скончаться.

Тридесятый километр

Поскользнувшись на красной волне, провалиться под мёд,
Где из ран вырастают цветы насекомой вины,
За гноящийся мир, за Иуду, за ноль и за гнёт,
Где молочный поток до мостов потаённой страны

И посадочный шлюз на крыло векового Орла,
Что парит над воротами сердца, рождённого жечь
Белый хворост судьбы до последнего липкого тла,
Лишь бы вечное жерло борьбы не работало в желчь.

Над берёзами, мраморным блеском рельефов и львов
Щедра встретит Земля, опоённая космосом слов,
Удивлённая близкой и брэнной реальностью снов.
Мы дойдём до Земли. Первый раз нам уже повезло –
Породнить свою кровь, до конца обожая, без «но».

Оно

Заросли белой березью реки, поля, полигоны,
Заросли белым инеем белые бредни берёз,
И по бункерам спят молчаливые махаоны,
Малахитно-тигровыми крыльями грея вопрос,
Заключённый в обратную сторону метаморфоз.

А под сдавленным заревом грязного городомора
Расшивается буквой закона всеобщий кафтан
Обращённого внутрь идей воскового террора,
Что распродан как дар и в немых ощущениях дан.
Отовсюду бездарно сочтится сухая вода...

Этот край благодушно заранее высушил вёсла...
Но хрустит под ногами живой, неприлизанный лёд –
По обратную сторону суть не до мозга промёрзла,
Махаоны и мы прозреваем дорогу на взлёт.
Ты во мне говоришь. И я знаю – Оно не уйдёт.

Колпак

Из проломов разбитых шахмат, утопающих в чреве лужи,
Бестелесный и безупречный, гармоничный струится пат.
Кто не ел шоколадных пешек и коней на обед и ужин,
Но при этом и сам не съеден – злой мятежник и психопат,

И лелеет в зрачках колодцев связки новых стальных волокон,
Заполняя прозрачной честью ледяные бокалы душ,
Отзвеневшие под фанфары из разбитых птицами окон,
Озверевшие под слепую и едва солёную глушь...

Колпаком из змеиной кожи – мозаичной и переспелой,
Как раздавленный мозг янтарный в грязно-мраморном тупике –
Накрываю небесный глобус пустоты исподлобно-белой,
Чтобы дольше, забыв о страхе, ты спала на моей руке...

Мы будем летать

В сиренево-мраморных перьях осеннего облака,
Дрожа золотыми ресницами снежного пуха,
Закат, словно пёс, тишиной своей вылакал колокол
И звон проглотил в невесомое синее ухо.

А наша судьба ограничена узкими рамками,
И синее ухо не слышит глашатаев воли,
Душа перманентно сочится кровавыми ранками
И рвётся за рамки, сжимаясь и корчась от боли...

Полёт – антипод расползания по замкнутой плоскости,
Свобода делиться полуденным запахом сосен,
Возможность не видеть в любимых глазах озлобленья
и жёсткости...

Мы будем летать! Революция рядом. И осень...

Осенью

Осенью дрожа, палая листва дремлет под водой.
Тянутся вокруг толпы грязных рук спать на водопой.
Тянется вокруг мерный цикл сна длинной бородой,
Изредка входя с шелестом волос в пьяный мордобой.

Осенью дрожа, палая листва умирает в слизь.
Острые штрихи веток бытия собраны тобой
В атомный костёр наших белых чувств.
Ад и рай слились.
Мы проснулись.
Пой!

Косарь кому-то должен. Кому – косарь не знает,
Он падает из бочки смолистого настоя
Сентябрьских закатов с прозрачным самогоном.
Душа не просыхает, верблюды пролезают
В ушко собачьей будки. А время непростое
Себе желает жертву, прикинувшись драконом.

Косарь, зачем – не зная, тревожно спит и видит,
Как весело проснётся и выкосит полцарства,
Засадит всё цветами и райскими садами,
И сны его смешные наполнены наитий
Космической свободой, как зеленеет завязь,
Как я смотрю на вечность, твоих волос касаясь...

Ни мира, ни войны. Ни слёз, ни смеха.
Октябрь весь фарфоровый и хрупкий
В руках твоих пригрелся и молчит.
А в голове сгорает микрочип,
Ты напряжённо поджимаешь губки,
И шелест их подхватывает эхо.

Отпущен грех, натянуты поводья,
И над землёй борьбы алеет знамя.
Фарфоробитной раной ножевой
Октябрь твой испорчен, но живой,
И фрау Майнхоф впредь навеки с нами
Идёт прямой дорогой в Беловодье.

Завернувшись в шинель-безрукавку,
Точно в кокон, набухший до срока,
С междустрочьями впитывать Кафку
Воспалённым сознанием морлока.

И смотреть, как на будущем небе
Расцветают алмазные грозы...

Энтомолог – святое отродье –
В чистом поле посеял булавку...
Нам с тобой открывать Беловодье,
Завернувшись в шинель-безрукавку.

Ты дышишь сквозь музыку Баха.
Кричу, придвигаясь поближе:

«Рассвета грядёт черепаха,
Умы от кошмаров облизет,
Удушливо-серому игу
Меняться на рай помогая».

А ты улыбаешься в книгу,
Нордическая и нагая.

Еду лесом времени, на реке
Будущих открытий играет след.
Хочется доставить тебе букет
Из нанороботов
и ракет,

Страху и упрёку заклеить рот,
За руки держаться, лететь вперёд,
Бросив под ноги, как в кофе лёд,
Мир, в котором никто
не умрёт.

Мы играем в кубики Рубика,
Постигая ключ от пространства.
А могли бы дыркой от бублика
По старинке чтить постоянство.

Гнать за красноглазыми мухами
Внутри по закоулкам арбуза
Начинали, в ужасы бухая,
Продолжали кровными узами,

Широтою нежного полюса,
Долготой пролива горений.
А могли бы в грудь мегаполиса
Лечь крестом любых изменений,

Пообтачиваться мрачными браками,
Не артачиться и в ад топать гномами.
Вы играйте со знакомыми знаками,
Поиграем мы с незнакомыми.

Мысли

Мысли вздрагивают от прикосновений
Друг к другу, слов к делу, языка к колоколу,
В пузырях желтощёких всплывает безликий гений
На поверхность, где воют волком и тащат волоком,
Где лежат России, Норвегии и Кении
С недобытым смыслом и переменным толком,

Где в рулонах слипшихся облаков жнётся
Урожай белоснежных глыб, звёзд, иголок...
Где должен бесценный опыт со дна векового колодца
Питься катастрофически жадно, базарно, голо, как
Наливное яблоко хочет ёжиком уколотся
И книги тирана мечтают попадать с полок.

В голубых глазах пульсирует веющее
Соком лесной прохлады и жаром солнечной лени,
Дающее силы не бредить вещью, близкое, вещее,
Когда ты вздрагиваешь от прикосновений,
Просыпаешься, дышишь радугой или споришь резче...
В пузырях желтощёких всплывает безликий гений.

Кто способен, тот и должен страдать,
Наблюдая за чумой мировой:
По уродливым ума кружевам
Пробирается Ничто в Никуда –
Благо вакуум смогли прожевать,
Благо родина струбила отбой.

А на небе мятный блеск облаков
И протянутые нити добра,
Где вишнёвой кровью смазан рукав,
Где полынью не дышать далеко,
И с тобою нас уносит река
Вольной Щуки и святого Бобра.

В рукавах ленивого ветра

Зачерпнув дырявой калошей
Из-под лодки гнилой воды,
Не зачать идеальный шторм,
Как бы этого ни хотелось.
И как будто ведут следы
В длинный мир, смешной и хороший:
Притвориться большим котом
И смотреть на бледную Эос.

И как будто не стоит ни свечек,
Ни изломанного гроша
Сад, сокрытый под потолком
Всепрощений и упрощений.
Только муторная душа –
Сокровеньненький человечек –
Непроглатываемый ком
Принимает за угощение.

Зачерпнув горячей кастрюлей
Из-под звёзд кусок пустоты,
Не родить вселенной иной,
Как бы этого ни хотелось.
И как будто глаза святых,
Превращённые в адский улей,
Синим светом жужжат за спиной,
Отгоняя бледную Эос.

У хватчиков – вошь под кожей
Копытся за фронт и тыл.
Мы же просто идём ко дну,
Продолжая сомненья множить,
Содрогаться от красоты,
Делать большее из возможного
И друг другу смотреть в глубину,
Не минув поверхности кожи...

В рукавах ленивого ветра
Перекачиваются облака,
Словно сыр неозвученных тайн
В нежно-тающем масле тревоги.
Упирается жизнь в бока
Тридесятого километра,
Каждый корень ведёт к цветам,
Каждый Рим пускает дороги.

Содержание

Окрылённый голем

Перед часом быка	4
«Багровый эллипс истошно тонет...»	5
Марсельеза	6
Инферно	7
«В дымных пещерах ртов...»	8
Банальные осенние истины	10
«В бутылках из-под кефира...»	11
«Пыль над гниющим полем...»	12

Код

Амнистия	14
Спанда	15
«Внутри себя заточённому узнику...»	16
«Рыхлую плоть кварталов...»	17
«Если хочешь уснуть – не тяни, засыпай...»	18
Ворс	19

Там, за горою

Парабеллум	22
«Лепестками сражённого мака...»	23
Буратино	24
Преступление	25

«Ты теряешь следы...»	26
Трансбог	27
«Лететь впотьмах кровавой бани...»	28
«Не выжать соки океанов...»	29
Фаталистичное	30
Застыть, завясть, забыть	31
Смерть	32
Секрет	33
Ковчег	34
За горю	35
«Сыграй невесомую роль свою...»	36

Тупики

Жертва	38
Предчувствие	39
«Шаги по полю...»	40
«Унылая серость небесного плаца...»	41
Манёвр	42
Щедрость	43
Тошнота	44
«Мысли рождают, как осы – яд...»	45
«Руками шарить в пустоте...»	46
«Безумные тени...»	47
Диффузия	48
«Белые колыхания обнажённого живота...»	49
Нирвана?	50
Хаухет	51

«Всё явное станет тайным грешком...»	52
--	----

Шесток

Кактус	54
«Тикают клювы седых голубей...»	55
Шесток	56
«Знаешь – к ногам пристегнут браслет...» ...	57
Ноябрь	58
«Кремовые облака...»	59
«Трескается уверенность...»	60
«К северу свисло солнце зимы...»	61
Титанов сон	62

Масленица

«Вне сумрака – глаза голодных кошек...» ...	64
Пазолини	65
«Взрывов чёрные барашки...»	66
Шатается без опор мозг	68
Чёрная птица	69
Масленица	70
Выпей водки	72
Весенние тропы	73
«Развёрнутый свиток...»	74
Вырежи и сохрани	75
Душа	76
Рты Поднебесной	77

Развал	78
Как в первый раз	79
Всё подытожено	80

Невидимые двери

Золотое слово	82
Баш на баш	83
Точка сборки	84
Крот	85
«Всё, что капало на пепел...»	86
Шарик	87
Эхуязь!	88
Боги	89
Жёлудь	90
У Макара	91
По заре	92

Огоньки

«Огоньки в бутылке водки...»	94
В уродливом мире	95
Звероутро	96
«Голые стены Венеции сложены...»	97
Рожденье истины	98
Безразличие	99
Юла	100
Жажда	101
Реклама	102

Интуиция	103
Книга	104
«Где не хватает миллиардов...»	105
Бурда	106
Сливы	107
Быть проще	108
«Прогорклый торт вечерних дум...»	109
«В обжигающую тьму ночных улиц...»	110
«Мы пили мёд, мы пили квас...»	111
«Тот колпак колпаковски сшит...»	112
«Люди лепят снеговиков...»	113
«Рыбий почерк варёного глаза Луны...»	114
«Затыкая щели...»	115
«Чёрные кольца шагов по кромке...»	116

О Дне Родины

Наследие-1	118
Наследие-2	119
Коктейль	120
Скоро	121
Поле чудес	122
«Не забыли плести плети...»	123
«Синяки под глазами берёз...»	124
Пляж	125
Соль земли	126
ПГВ-1	127
ПГВ-2	128
ПГВ-3	129

О Дне Родины	130
«Вечер ледяной...»	131

Обнажение

«От побега заплачет смешная тюрьма...» ...	134
Вороноворот	135
«Метель – малиновый суп...»	136
Улитка	137
«И волны белого огня...»	138
«Где луною обозначенные лица...»	139
Храм	140
Обнажение	141
Горизонт завален	142
«Провода зелёных веток...»	143
«Пропитаны запахом кедра...»	144
«Коней безрассудства седлая...»	145
«Грачи отводят взгляд...»	146
«Комками теней темнота...»	147
Под крышей	148

Атлантида Запретных Зон

«Пора трогаться...»	150
«На картах сгорела последняя тушь...»	151
Ожидание	152
Расчленение	153
Источник	154

«Отслоился шелестящий корешок...»	155
«Да, вокруг пустота, невесомость...»	156
Двойник	157
«Фиалкового неба лепестки...»	158
Моей Судьбе	159
На волне	160
Вопросов больше нет	161
Медная сома	162
Атлантида запретных зон	163
«Посолю разрез восхода...»	165
«Паутинки, спрятанные в иней...»	166
«За холодные столбы соляные...»	167
Итальянское	168
«Под коркой лба пылает пламень...»	169
«На поверхности озера...»	170

Тридесятый километр

«Поскользнувшись на красной волне...»	172
Оно	173
Колпак	174
Мы будем летать	175
Осенью	176
Смысл	177
«Косарь кому-то должен...»	178
«Ни мира, ни войны. Ни слёз, ни смеха...» ..	179
«Завернувшись в шинель-безрукавку...»	180
«Ты дышишь сквозь музыку Баха...»	181
«Еду лесом времени, на реке...»	182

«Мы играем в кубики Рубика...»	183
Мысли	184
«Кто способен, тот и должен страдать...» ...	185
В рукавах ленивого ветра	186

Антон Андреевич Шумилин

ЭТВАС

Под редакцией Анны Мартышиной

Подписано к печати 14.07.2015 г.

Формат 60/84.

Усл.-печ. л. 1,9.

Тираж 100 экз.

Заказ № 906.

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии «Копи-Ризо».

Пенза, ул. Московская, 74, к. 211. Тел. 56-25-09.

e-mail: tipograf_popovamg@inbox.ru